

Россия и Азия

№ 1 (19), 2022

russia-asia.org

Россия и Азия

Электронный научный журнал

№ 5 (19), 2022 г.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлеченными редакцией независимыми экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг ученых, специалистов-практиков и преподавателей, участвующих в научно-исследовательской работе.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — доктор экономических наук, профессор Людмила Васильевна Шкваря.

Периодичность: не реже 4-х раз в год.

eISSN 2712-7486

Выпуски журнала размещаются на сайте <http://russia-asia.org/>

E-mail редакции: red@russia-asia.org

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-70325 от 10.07.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Шкваря Л. В., Соловьева Ю. В.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий».

Редакционный совет

Шкваря Людмила Васильевна — главный редактор, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры политической экономии экономического факультета Российского университета дружбы народов, директор Центра Азиатских исследований РУДН, Москва, Россия.

Члены редакционного совета:

Соловьёва Юлиана Владимировна — заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры национальной экономики Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Айдрус Ирина Ахмед Зейн — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов, директор Центра Арабских исследований РУДН, г. Москва, Россия.

Аль Сайяд Мохаммед Джаффар — PhD (экономика), советник компании «Ногахолдинг», г. Манама, Бахрейн.

Белова Ольга Валентиновна — кандидат исторических наук, доцент, советник Международного центра научной и технической информации, г. Москва, Россия.

Будиаб Анис Набих — PhD (экономика), заведующий кафедрой финансов Ливанского государственного университета, член правления Экономического и социального комитета Ливана, г. Бейрут, Ливан.

Дамнянович Весна — PhD (экономика), профессор Белградского университета, г. Белград, Сербия.

Кириллов Виктор Николаевич — доктор экономических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Государственного университета управления, г. Москва, Россия.

Кокуйцева Татьяна Владимировна — кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе, доцент кафедры прикладной экономики Центра управления отраслями промышленности экономического факультета Российского университета дружбы народов, г. Москва, Россия.

Малашенкова Ольга Федоровна — кандидат экономических наук, доцент, Белорусский государственный университет, факультет международных отношений, кафедра международных экономических отношений, г. Минск, Республика Беларусь.

Муха Денис Викторович — кандидат экономических наук, доцент, заведующий отделом инновационной политики Института экономики Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь.

Неновски Николай Ненов — доктор экономических наук, профессор, профессор университета Жюль Верна, г. Амьен, Франция.

Раупов Комилчон Самиевич — кандидат экономических наук, Политехнический институт Таджикского технического университета имени академика М. Осими, г. Худжанд, Таджикистан.

Родионова Ирина Александровна — доктор географических наук, профессор, независимый исследователь, г. Москва, Россия.

Фролова Елена Дмитриевна — доктор экономических наук, профессор, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

Хэ Минцзюнь — PhD (экономика), старший преподаватель юридического факультета Куньминского политехнического университета, г. Куньмин, Китай.

Пернацкая Ольга Олеговна — выпускающий редактор, директор Межрегионального института развития территорий, г. Ялта, Россия.

Содержание

РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ**Кириллов В. Н., Балакин А. Д.**

За 50 лет Индонезия превратилась из аграрной в новую индустриальную страну и успешно преодолела «ресурсное проклятие» **6**

Сабон Виктория Лелу.

Рынок труда и безработица в Индонезии: современные тенденции и возможности **15**

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ****Меланьина М. В.**

Индонезия: трансфер технологий и инновационное развитие **26**

Шеров-Игнатъев В. Г.

Торгово-экономические связи России с Индонезией **36**

Асмятуллин Р. Р.

Индонезия на мировом рынке образовательных услуг **48**

Content**DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES****Kirillov V. N., Balakin A. D.**

For 50 years Indonesia has turned from an agrarian into a new industrial country and successfully overcome the "resource curse" **6**

Sabon Victoria Lelu.

Labor market and unemployment in Indonesia: current trends and opportunities **15**

WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS**Melanina M. V.**

Indonesia: Technology transfer and innovative development **26**

Sherov-Ignatev V. G.

Trade and economic relations between Russia and Indonesia **36**

Asmyatullin R. R.

Indonesia on the world market of educational services **48**

**РАЗВИТИЕ СТРАН И ТЕРРИТОРИЙ /
DEVELOPMENT OF COUNTRIES AND TERRITORIES**

За 50 лет Индонезия превратилась из аграрной в новую индустриальную страну и успешно преодолела «ресурсное проклятие»

*Кириллов Виктор Николаевич¹,
Балакин Антон Дмитриевич²*

Статья посвящена анализу тенденций развития Республики Индонезия. Авторы отмечают быстрый экономический рост с акцентом на экономическое развитие сельских районов, в результате которого из преимущественно аграрной и ресурсозависимой Индонезия постепенно превращалась в промышленную экономику. С начала 2000-х гг. страна вернулась к докризисным темпам роста, уровень бедности сильно снижался, а зависимость от экспорта нефти сокращалась и, что важно, в дальнейшем практически перестала существовать. В XXI в. Индонезия является нетто-импортером, а не экспортером нефти. Авторы приходят к выводу о том, что благодаря достаточно грамотно проводившейся правительством страны экономической политике, Индонезия вполне успешно поборолa негативные последствия «ресурсного проклятия». Индонезия обладает огромным потенциалом развития и, по мнению авторов, имеет перспективы дальнейшей успешной эволюции.

***Ключевые слова:** Индонезия, макроэкономическая стабилизация, экономический рост, азиатский кризис, нефтяные доходы, экспорт.*

***JEL коды:** E23, L69, O14, P27.*

Индонезия — государство в Юго-Восточной Азии, бывшая колония Нидерландов, находившаяся под японской оккупацией в 1942–1945 гг. и получившая независимость в 1945 г. Действующий на тот момент президент А. Сукарно высказал идею о необходимости установления «направляемой демократии» в политической жизни.

Что же касается экономики, то еще в начале 1950-х гг. индонезийская экономика выиграла от быстро растущего спроса на мировых рынках на два ее основных экспортных товара — нефть и каучук. Экономический рост был обусловлен экспортом необработанного сырья, а макроэкономические показатели выгодно отличались от индексов большинства других стран «третьего мира». Средние темпы роста реального ВВП (т. е. ВВП, с учетом инфляции) на 6% в год позволили значительно увеличить доход на душу населения, несмотря на популяционный бум (Lindblad, 2008). В начале 1960-х гг. значительно

---

¹ *Кириллов Виктор Николаевич* — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры мировой экономики и международных экономических отношений Государственного университета управления, Москва, Россия. E-mail: kirillov44@yandex.ru.

² *Балакин Антон Дмитриевич* — практикант ФГБУН «Институт проблем рынка РАН», Москва, Россия. E-mail: Anton.Balakin@outlook.com

увеличилось производство сельскохозяйственной продукции. Так, производство риса выросло на 250% с 1966 по 1991 гг. (Cribb, Kahin 2004), дав Индонезии возможность полностью обеспечивать себя данным продуктом питания.

В 1950-е гг. правительство Индонезии инициировало политику «Бентенга» (*Benteng policy*), направленную на искоренение дискриминации коренного населения со стороны другого этноса — китайских индонезийцев (Хэ, 2013). Такой подход носил название «экономического национализма». Индонезийские националисты считали экономическую деколонизацию Индонезии незавершенной до тех пор, пока не достигнута цель трансформации унаследованной колониальной экономики в национальную, в которой все экономические решения принимаются непосредственно гражданами Индонезии. Кроме того, было успешно совершено практически «освобождение» от влияния голландского бизнеса. На протяжении 1950-х гг. прошла успешная национализация десятков и сотен голландских предприятий, и таким образом за короткий промежуток было ликвидировано мощное голландское бизнес-присутствие, имевшее место в Индонезии со 2-й половины XIX в. (Thee, 2011).

Правительство особое внимание уделяло официальной идеологии, так называемой «Панчасиле», что дословно означает «Пять принципов» (основ). Они были провозглашены в качестве базиса индонезийского государства под руководством А. Сукарно, первого президента республики, незадолго до провозглашения независимости в 1945 г. Эти принципы, ставшие официальной государственной идеологией, включают в себя: веру в единого бога, верховенство права, государственное единство, демократию, справедливость и равенство для индонезийского народа. При этом режим А. Сукарно был чрезвычайно вертикально интегрирован, и Индонезия столкнулась с революцией и нестабильным политическим климатом, что вкуче привело к снижению качества жизни и темпов развития страны.

Отметим, что из-за проведения малокомпетентной экономической политики в 1950–1960-е гг. страну поразил кризис, выразившийся, в частности, в высокой инфляции — в 1966 г. инфляция достигала более 600% (Thee, 2006).

И только сменивший А. Сукарно в середине 1960-х гг. генерал М. Сухарто смог восстановить некоторую макроэкономическую стабильность (отметим, что в его команду входили 3 экономиста с докторскими степенями Беркли). Авторитарный режим М. Сухарто непрерывно был у власти в Индонезии с 1966 по 1990-е гг. Установлению «Нового порядка» М. Сухарто предшествовал террор и отстранение президента А. Сукарно. Новое правительство Индонезии разработало и новую политику, которая стала называться «Трилогией развития». В этой трилогии подчеркивались необходимость высокого экономического роста, равенства и снижения дифференциации между отдельными регионами. С помощью «Трилогии» правительство весьма успешно обеспечило стабильный экономический рост путем, главным образом, стабилизации макроэкономического климата.

Александр Попов (2019) пишет: «В конце 1966 г. национальная валюта была де-факто девальвирована, упрощено внешнеторговое регулирование и сокращено количество действующих в стране валютных курсов. Размер валютных отчислений в пользу экспортера, который он мог реализовывать на свободном рынке, увеличен в зависимости от группы экспортируемых товаров с 50% до 90% против действовавшей ранее нормы в 10–50%. Центробанк тоже начал продавать иностранную валюту, источником которой стал валютный фонд и открытые иностранные кредиты. Часть валютной выручки по-прежнему сдавалась в

валютный фонд и провинциальным властям, т. е. это был фактически экспортный налог». Чтобы стимулировать частные предприятия, правительство решило изменить принципиальное отношение к иностранным инвестициям: в 1967 г. был принят Закон о прямых иностранных инвестициях (ПИИ), подразумевавший, в частности, привлекательные льготы для бизнеса (налоговые каникулы, свободный вывод выручки и т. д.). Важно, что в рамках реформ значительно расширился экспорт, в основном — продукции обрабатывающей промышленности».

Отметим, что стабилизация макроэкономического климата в Индонезии, азиатской стране с быстрорастущей экономикой, приводила к тому, что иностранное присутствие на протяжении всего XX в. оставалось значительным. Но в середине 1970-х гг. коренной индонезийский народ начал бунтовать из-за углубившегося японского присутствия в экономике Индонезии. В ответ на протесты правительство ввело ограничения на иностранное экономическое присутствие. В целом 1970-е гг. знаменовали разворот к националистической экономической политике в отношении иностранного присутствия, а тенденция к регулированию иностранных инвестиций усиливалась вплоть до 1978 г. Так, с 1974 г. ПИИ в страну могли осуществляться только в форме совместного предприятия (СП) с отечественными компаниями. В частности, совет директоров компании должен был минимум на 1/2 состоять из коренных жителей Индонезии (Thee, 2006). Ограничения иностранного присутствия позволили укрепить предпринимательский класс Индонезии.

Но важно не забывать, что с середины 70-х гг. XX в. правительство Индонезии в полной мере смогло пользоваться высокими нефтяными доходами из-за нефтяного шока начала 1970-х гг., резкого роста цен на энергоносители. В частности, это позволило президенту Сухарто продолжить амбициозную политику импортозамещения, подразумевающую, в частности, создание крупных государственных предприятий. Хотя нефть в Индонезии начали добывать еще в 1871 г. — после подписания Суматранского договора в Гааге, обязывающего Нидерланды ослабить свое влияние на Суматре — одном из пяти главных островов Индонезии, но активное использование нефтяных ресурсов началось только в 1960-х гг., поскольку только в тот период была создана необходимая инфраструктура для комплексного освоения месторождений.

Шок цен на нефть означал в том числе и усиление доли нефтяных доходов в экспорте Индонезии: «Если в 1973 г. доходы Индонезии от нефти и газа составляли 0,6 млрд долл., то в 1980 г. они выросли до 10,6 млрд долл., составляя по стоимости до 80% всего индонезийского экспорта и 2/3 поступлений ее госбюджета. В целом же в 1980 г. нефтегазовый сектор обеспечивал 26,3% ее ВВП» (Попов, 2019). Экспортные доходы в 1970-х гг. способствовали осуществлению ряда важнейших реформ для экономики, которые имели место после падения цен на энергоносители в начале 1980-х гг. Ряд программ развития и планирования позволил стабилизировать последствия хлынувших доходов, а компетентная макроэкономическая политика сглаживала инфляционное давление на инвестиционную активность как иностранных, так и частных инвесторов внутри государства.

Шок цен на нефть означал, в том числе, и усиление доли нефтяных доходов в экспорте Индонезии: «Если в 1973 г. доходы Индонезии от нефти и газа составляли 0,6 млрд долл., то в 1980 г. они выросли до 10,6 млрд долл., составляя по стоимости до 80% всего индонезийского экспорта и 2/3 поступлений ее госбюджета. В целом же в 1980 г. нефтегазовый сектор обеспечивал 26,3% ее ВВП» (Попов, 2019). Экспортные доходы в 1970-

х гг. способствовали осуществлению ряда важнейших для экономики реформ, которые имели место после падения цен на энергоносители в начале 1980-х гг. Ряд программ развития и планирования позволил стабилизировать последствия хлынувших в страну доходов, а компетентная макроэкономическая политика сглаживала инфляционное давление на инвестиционную активность как иностранных, так и отечественных частных инвесторов внутри государства.

Быстрый экономический рост и акцент на экономическое развитие сельских районов привели к резкому снижению уровня бедности с 58% в 1970 г. до 15% в 1997 г. (Tule, 2019). Другие социальные показатели также демонстрируют заметное улучшение. Так, ожидаемая продолжительность жизни увеличилась с 53 лет в 1970 г. до 65 лет в 1997 г., в то время как уровень младенческой смертности за тот же период снизился более чем наполовину (World Bank Data). Сельский уклон политики развития помог обеспечить значительное перераспределение из добывающего сектора на развитие инфраструктуры отдельных сельских регионов, с тем, чтобы сельские производственные центры были эффективно связаны с растущими городскими рынками. И по мере того, как экономика избавлялась от тенденции к импортозамещению, эти же сельские районы получили более широкий доступ к мировым рынкам (Applegate et al., 2002).

Тут чрезвычайно важно отметить, что львиную долю экспортных доходов от нефти правительство инвестировало в несырьевой сектор и весьма успешно смогло диверсифицировало национальную экономику. Режим М. А. Сухарто выиграл от шока на сырьевых рынках в начале 1970-х гг., и страна весьма эффективно использовала сверхдоходы от добывающей промышленности для развития обрабатывающей индустрии и устранения дисбалансов между отраслями. В заключительные декады XX в. экономика Индонезии прошла трансформацию от в большей степени аграрного типа до преимущественно индустриального: с 1965 по 1995 гг. доля сельского хозяйства в ВВП сократилась с 56% до 17%, в то время как промышленное производство выросло с 13% до 42% (Applegate et al., 2002). В течение 1980-х гг. Индонезия начала инвестировать в трудоемкие отрасли промышленности для экспорта одежды, обуви и электроники. В конечном счете, эта трудоемкая обрабатывающая промышленность в значительной степени способствовала сокращению бедности в Индонезии, создав рабочие места для сотен тысяч работников. Так из преимущественно аграрной и ресурсозависимой страны Индонезия постепенно превращалась в промышленную экономику. Темпы роста между 1985 и 1995 гг. достигли 7%, а в 1996 г. ВВП на душу населения составил 1 130 долларов (World Bank Data).

Такое развитие экономики привело к тому, что уже с конца 1980-х гг. экономический национализм, как результат быстрого экономического роста и успешной индустриализации, проявился как стремление Индонезии стать значимой промышленной державой путем создания ряда стратегических отраслей, включая высокотехнологичные сегменты.

Сторонники «индустриального национализма» утверждают, что такая развивающаяся страна, как Индонезия, с ее богатыми природными ресурсами и многочисленным населением, не должна довольствоваться тем, чтобы просто экспортировать дешевые трудоемкие товары, такие как одежда и текстиль. Вместо этого Индонезии давно пора было развивать прежде всего капиталоемкие и высокотехнологичные отрасли.

Но азиатский кризис 1998 г. значительно затормозил, в частности, развитие высокотехнологичных отраслей страны. Несмотря на то, что с начала 1990-х гг. экономический рост составлял в среднем чуть более 7% в год, в 1998 г. экономика Индонезии сократилась на беспрецедентные 13%, а уровень бедности вырос с 44% в 1996 г. до 63% в 1998 г. (World Bank Data).

В отличие от других стран Восточной Азии (например, Южной Кореи и Таиланда), которые лучше справились с кризисом 1998 г., правительство Индонезии не смогло быстро и эффективно отреагировать на кризисные процессы. В результате обострений имел место также серьезный политический кризис, который привел к отставке президента М. Сухарто, правившего страной 32 года.

После отставки М. Сухарто главой государства стал Хабиби, который воплотил в жизнь ряд важнейших политических реформ, способствовавших формированию более либеральной политико-социальной среды, в том числе убрал ограничение на количество существующих политических партий, инициировал принятие закона об автономии регионов, освободил ряд политических заключенных и провел честный референдум о независимости ранее аннексированной (в 1975 г.) территории Восточного Тимора. Задачей правительства Хабиби было, главным образом, вернуть доверие к национальной валюте, которая после Азиатского кризиса была значительно девальвирована, обуздать неконтролируемую инфляцию и стабилизировать макроэкономический климат в целом. Президент сотрудничал с МВФ, позаботился о том, чтобы предоставить независимость отечественному ЦБ.

В результате положительный рост экономики возобновился уже в 1999 г. за счет весьма успешно диверсифицированной экономики, а в 2007 г. рост достиг посткризисного максимума в 6,3%. Для эпохи после президента М. Сухарто характерно повышение макроэкономической стабильности, инвестиционной привлекательности страны и возврат к докризисным темпам экономического роста. К 2010 г. сектор услуг Индонезии составлял более 40% в ВВП (в 2020 г. показатель составил 44%), инфляция в 2010 г. достигала 5%, а далее снижалась вплоть до 2% в 2020 (World Bank Data).

Возвращаясь к вопросу о роли нефтяного сектора в экономике Индонезии нужно отметить, что еще в начале 1980-х гг. конъюнктура на мировых рынках сырья резко ускорила динамику в направлении снижения, и, соответственно, доходы бюджета Индонезии значительно сократились, бюджет стал дефицитным. Такое развитие обстоятельств, вызванное главным образом обвалом цен на нефть в начале 1980-х гг., привело к необходимости создания Программы реформ, направленной на либерализацию торговли и финансов, на стимулирование иностранных инвестиций.

Все это положительно повлияло на инвестиционный климат Индонезии, а в 1994 г. началась так называемая «вторая волна ПИИ» в Индонезию, вызванная, в том числе, бумом ПИИ во всем мире. Правительство в этих условиях продолжило процесс либерализации иностранных инвестиций, что, в свою очередь, сыграло значительную роль в увеличении доли экспорта промышленной продукции.

Отметим также, что закон об иностранных инвестициях позволил крупным иностранным нефтедобывающим компаниям обнаружить значительные запасы нефти в Индонезии и успешно осуществлять их добычу.

В результате в начале 2000-х гг. страна вернулась к докризисным темпам роста, уровень бедности сильно снижался, а зависимость от экспорта нефти сокращалась и, что важно, в дальнейшем практически перестала существовать. С начала 2000-х гг. Индонезия является нетто импортером, а не экспортером нефти, страна потребляет около 1,5 млн баррелей нефти в день (British Petroleum, 2021).

Обратим теперь внимание на интересную и важную особенность развития экономики Индонезии в связи с так называемым «ресурсным проклятием». Важной особенностью экономического роста в современном мире остается то обстоятельство, что страны с изобилием природных ресурсов зачастую экономически растут медленнее, чем страны, в достаточной мере ими не наделенные. Это неочевидное утверждение подкреплено довольно многочисленными наблюдениями: ВВП на душу населения стран-членов ОПЕК снижался на 1,3% в год в период с 1965 по 1998 гг. (Gylfason, 2001). Рентоориентированное поведение имеет место с самого начала процесса добычи природных ресурсов, ибо большинству стран так или иначе требуются компетенции крупных ТНК, которые способны извлекать ресурсы наиболее эффективно. Здесь моментально возникает конфликт интересов, связанный с желанием обеих сторон (национального государства и зарубежной ТНК) получить максимальную выгоду от добычи. Агентские издержки возникают потому, что одна сторона желает заполучить ресурсы с наименьшими затратами, а другая сторона в идеальном сценарии желает получить максимальную выгоду от реализации — это совершенно естественный конфликт интересов. Тем не менее, к сожалению, действительность не ограничивается идеальным сценарием: у чиновников или иных групп интересов есть стимулы к сотрудничеству с иностранными контрагентами с целью получения выгоды от перераспределения национальной собственности.

Возможность получения внешней ренты и решения внутривнутриполитических и внутриэкономических вопросов за счет этой ренты приводит, в частности, к тому, что страны со слабыми политическими и экономическими институтами имеют склонность к дальнейшему ухудшению институциональной среды в случае неожиданных открытий значительных запасов природных ресурсов. Правительства, финансируемые доходами от реализации нефтепродуктов, получают средства не за счет сбора налогов с граждан и предприятий, создающих большую добавленную стоимость, а за счет продажи нефтяных богатств страны (которые, отметим, принадлежат народу страны).

Это помогает объяснить, почему так много нефтедобывающих стран недемократичны: когда правительства финансируются за счет налогов, они становятся более ограниченными в своих действиях со стороны граждан, которые способны отстаивать свои интересы более успешно и настойчиво. Наоборот, в случае финансирования за счет экспортных нефтегазовых доходов, эти правительства становятся менее восприимчивыми к общественному давлению и более независимыми в действиях, навязывании своей воли обществу. Множество исследований показывают нам, что страны с большими запасами нефти делают авторитарное правление более устойчивым, и вероятность демократических преобразований внутри этих стран серьезно уменьшается. Например, в упомянутой ранее работе Майкл Росс показал, что страны с самым высоким доходом от продажи нефти на душу населения поголовно авторитарные (Катар, Кувейт, Алжир, ОАЭ, Саудовская Аравия, Ливия и т. д.) (рис. 1).

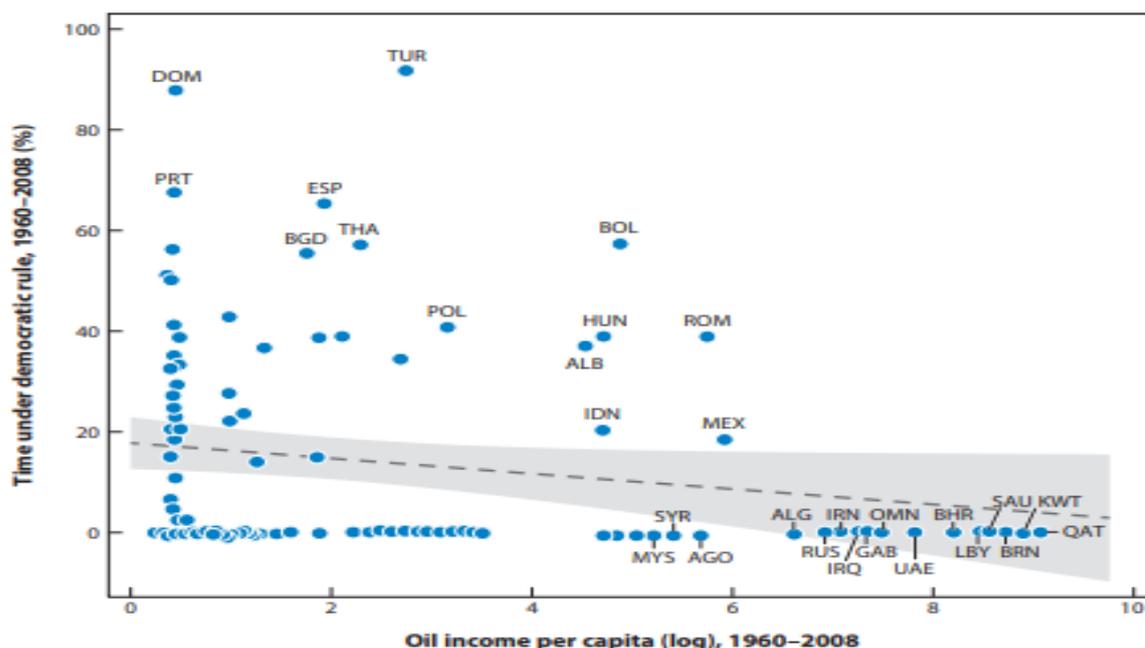

Рис. 1. Нефть и демократический транзит.

Источник: Ross M. L. (2015) P. 244.

Мы же можем констатировать, что Индонезия вполне успешно поборолa негативные последствия «ресурсного проклятия», поскольку легко обнаружить обратную зависимость между ВВП на душу населения и объемами экспорта нефти (рис. 2): падение объемов экспорта сырой нефти резко контрастирует с увеличением подушевых доходов.

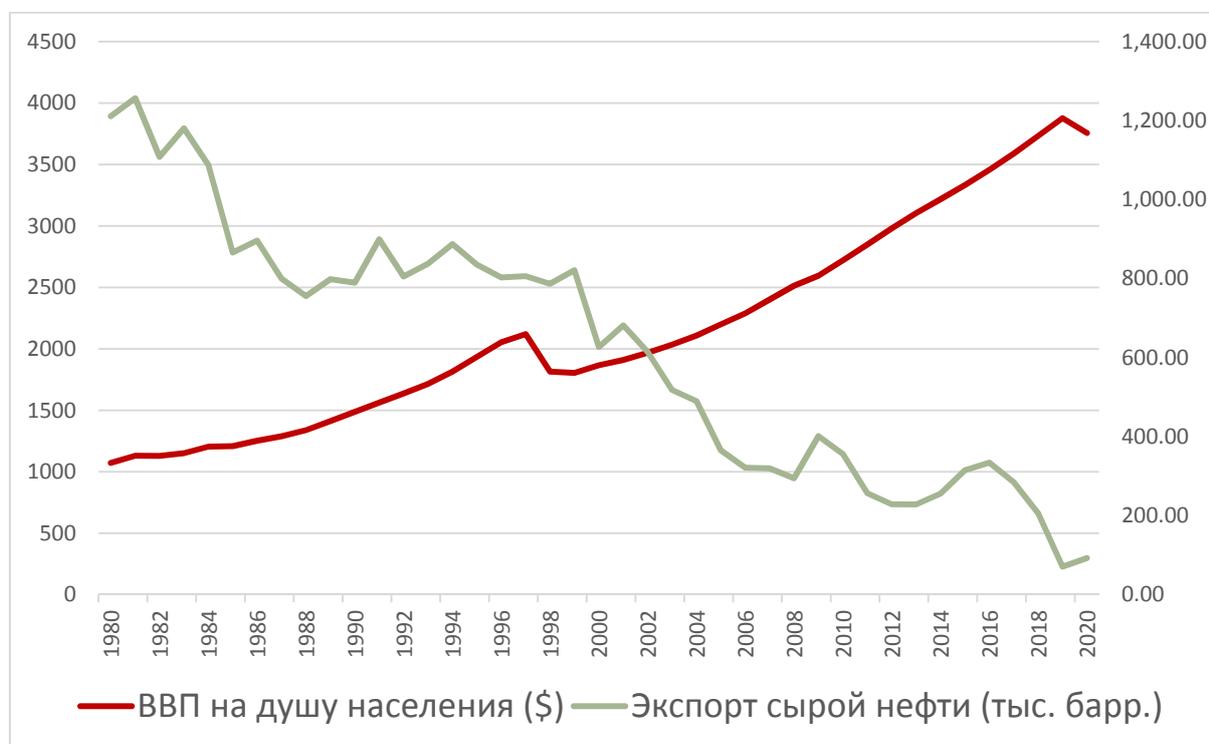

Рис. 2. ВВП на душу населения и экспорт сырой нефти в Индонезии с 1980 по 2020 гг.

Источник: составлено на основе данных Всемирного Банка и ОПЕК.

Индонезия, безусловно, обладает огромным потенциалом развития. Около половины из 265 млн человек (до *COVID-19*) было моложе 30 лет, а норма сбережений в среднем превышает 30% ВВП (*The Economist*, 2019). Импорт нефти, как было упомянуто, уже давно превысил ее экспорт (хотя в целом страна остается значительным экспортером сырьевых товаров). ВВП на душу населения по ППС превышает 12 000 долларов (World Bank Data), и есть причины полагать, что рост может продолжиться за счет повышения производительности труда и более качественной региональной экономической политики.

Список литературы

1. Попов А. В. (2019) Экономика Индонезии: современное состояние и тенденции развития. М., НОЧУВПО Институт стран Востока. [Popov A.V. (2019) *The Economy of Indonesia: the current state and development trends*. М., NOCHUVPO Institute of Oriental Countries. (In Russian).]
2. Хэ М. (2013) Демографический фактор в Индонезии и влияние Китая / В сборнике: Азия : демография — экономика — интеграция. Ежегодник — 2012–2013. Москва. С. 21–33. [He M. (2013) *Demographic factor in Indonesia and the influence of China* / In the collection: *Asia: Demography — economy — integration*. Yearbook — 2012–2013. Moscow. pp. 21–33. (In Russian).]
3. Шкваря Л. В. (2013) Экономика Индонезии: современные тенденции // *Мировая экономика и международные отношения*. №. 11. С. 62–69. [Shkvarya L. V. (2013) *The Economy of Indonesia: modern trends* // *World economy and International Relations*. No. 11. pp. 62–69. (In Russian).]
4. Applegate G., Smith R., Fox J. J., Mitchell A., Packham D., Tapper N., Baines G. (2002) *Forest fires in Indonesia: impacts and solutions*. In: Colfer C. J. P., Resosudarmo I. A. P. (eds.). *Which way forward: people, forests, and policymaking in Indonesia*. Pp. 293–308. Washington, DC, Resources for the Future, Center for International Forestry Research (CIFOR) and Institute of Southeast Asian Studies (ISEAS).
5. British Petroleum Website. URL:<https://www.bp.com/en/global/corporate/news-and-insights/press-releases.html>
6. Cribb R. B., Kahin A. (2004) *Historical dictionary of Indonesia*. Scarecrow Press. 583 p.
7. Gylfason T. (2001) *Natural resources, education, and economic development*. // *European Economic Review*. Vol. 45. Is. 4. Pp. 847–859. DOI: 10.1016/S0014-2921(01)00127-1
8. *Indonesia's economic growth is being held back by populism* (2019) // *The Economist*.
9. *Jakarta R.C. Is Indonesia at a crossroads?* (2013) // *The Economist*.
10. Lindblad J. T. (2008) *Bridges to new business: The economic decolonization of Indonesia*. NUS Press.
11. OPEC website. URL:https://www.opec.org/opec_web/en/
12. Ross M. L. (2005) *Resources and rebellion in Aceh, Indonesia*. Washington, DC: World Bank. Pp. 35–58.
13. Ross M. L. (2015) *What have we learned about the resource curse?* // *Annual review of political science*. Vol. 18. Pp. 239–259.
14. Thee K. W. (2006) *Policies for private sector development in Indonesia*. — ADBI Discussion Paper. № 46. 11 p.

15. Thee K. W. (2011) Understanding Indonesia: the role of economic nationalism // Journal of Indonesian Social Sciences and Humanities. Vol. 3. Pp. 55–79.
16. Tule M. K. (2019) Economic Growth in sub-Saharan Africa-Stylised Facts // The dynamics of economic development in Africa. 19 p.
17. World Bank data. URL:<https://data.worldbank.org/>

For 50 years Indonesia has turned from an agrarian into a new industrial country and successfully overcome the "resource curse"

Victor N. Kirillov,

Dr. Sc. (Economics), Professor, Professor of the Department of World Economy and International Economic Relations of the State University of Management, Moscow, Russia

Anton D. Balakin,

Intern at the Institute of Market Problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The article is devoted to the analysis of trends in the development of the Republic of Indonesia. The authors note rapid economic growth with an emphasis on the economic development of rural areas, as a result of which Indonesia gradually turned from a predominantly agrarian and resource-dependent economy into an industrial economy. Since the beginning of the 2000s, the country has returned to pre-crisis growth rates, the poverty rate has been greatly reduced, and dependence on oil exports has been decreasing and, importantly, has practically ceased to exist in the future. In the XXI century Indonesia is a net importer, not an exporter of oil. The authors conclude that thanks to the economic policy carried out by the government of the country quite competently, Indonesia has quite successfully overcome the negative consequences of the "resource curse". Indonesia has a huge development potential and, according to the authors, has prospects for further successful evolution.

Keywords: *Indonesia, macroeconomic stabilization, economic growth, Asian crisis, oil revenues, exports.*

JEL codes: *E23, L69, O14, P27.*

Рынок труда и безработица в Индонезии: современные тенденции и возможности

Сабон Виктория Лелу¹

Экономика Индонезии, оставаясь одной из наиболее быстрорастущих в мире в 2000–2020 гг., сталкивается с рядом серьезных проблем, одной из которых является ситуация на рынке труда и высокая безработица, особенно в группе молодых людей (15–25 лет). Для решения имеющейся проблемы государство уделяет значительное внимание не только стабилизации и росту экономических показателей, но и развитию социальной сферы, в частности, улучшению ситуации на национальном рынке труда, особенно в условиях роста глобальной нестабильности. Научная статья посвящена исследованию безработицы в Индонезии на основе имеющихся международных статистических данных, обзора научной литературы и международных отчетов. Автор приходит к выводу о том, что в перспективе улучшению ситуации на рынке труда может содействовать рост уровня и качества образования, что особенно важно в условиях растущей глобальной цифровизации.

Ключевые слова: Индонезия, экономический рост, рынок труда, COVID-19, безработица, молодежная безработица.

JEL коды: E24, E31, F43, O40, O53.

Введение

Республика Индонезия — одна из стран Юго-Восточной Азии, экономика которой на протяжении нового столетия стремится к устойчивому и достаточно высокому росту (табл. 1). Этот рост, крупный экономический потенциал Индонезии и ее увеличивающаяся роль в региональной и мировой экономических системах привлекает к стране внимание научного сообщества, которое стремится дать анализ и систематизировать социально-экономическую ситуацию в Индонезии в XXI в. и оценить перспективы и возможности ее развития.

В контексте данного исследования, стоит отметить, что, фиксируя стабильно высокую социально-экономическую динамику в стране и сокращение бедности (Шкваря, 2013; Мельянцев, Адрова, 2021), большинство авторов отмечает и высокое давление на общую ситуацию в Индонезии большого количества безработных, в том числе — молодежи (Попов, 20219), что, безусловно, представляет серьезную проблему для государства. Поэтому эксперты постоянно обращаются к этой проблеме, как одной из наиболее, с одной стороны, сложной для страны, а с другой — обязательно нуждающейся в разрешении.

Исследование состояния и проблем рынка труда в Индонезии актуализируется в связи с ростом глобальной нестабильности и, как следствие — ограничения возможностей международного сотрудничества в сфере реализации продовольственных, технических, гуманитарных и иных задач, стоящих перед Индонезией. Безработица остается одним из

---

¹ Сабон Виктория Лелу — кандидат экономических наук, преподаватель кафедры Зеленой экономики, руководитель Центра глобальных бизнес-стратегий, Университет Сурья, Научный бизнес парк, Индонезия.

важнейших показателей состояния рынка труда. В данном исследовании мы акцентируем внимание на анализе состояния безработицы в Индонезии.

Результаты исследования

Макроэкономическая динамика

Экономика Индонезии на протяжении последних 20 лет растет опережающими темпами (рис. 1). В наибольшей степени это касается роста производства ВВП, внешней торговли, стабилизации инфляции (табл. 1). Так, мировой ВВП вырос в XXI в. в 2,5 раза, совокупный ВВП АСЕАН — в 4,77 раза, а ВВП Индонезии — в 6 раз. Таким образом, Индонезия — одна из наиболее быстро растущих экономик мира, по праву занимающая место в *G-20*. Стоит отметить, что ВВП Индонезии в совокупном ВВП АСЕАН составлял в 2020 г. 35,3%, а в 2000 г. — лишь 28%. В то же время ВВП АСЕАН в 2020 г. достигал 1,86% в мировом показателе, а в 2000 г. — 3,5%. В то же время, в последние 10 лет темп роста национальной экономики Индонезии замедлился, как видно на рис. 1, что мы связываем, главным образом, с ростом глобальной нестабильности (снижение объемов мирового ВВП, мирового товарооборота, глобальных инвестиций под влиянием «торговых войн», глобальной пандемии, роста санкционных ограничений).

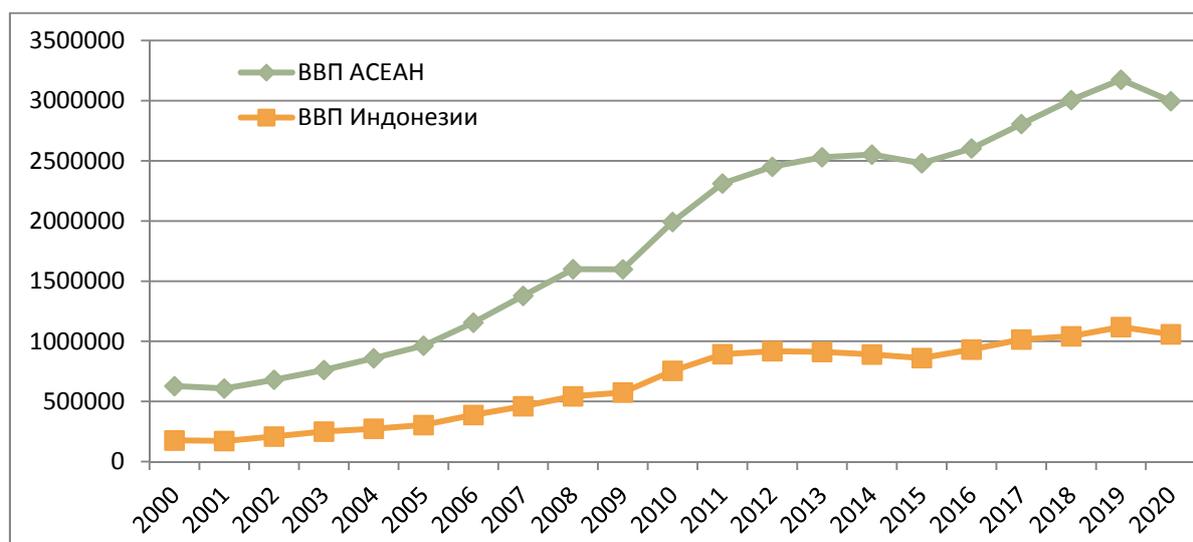

Рис. 1. Динамика ВВП Индонезии и совокупного ВВП стран АСЕАН в 2000-2020 гг., млн долларов в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: составлено автором по данным ЮНКТАД.

Таким образом, обеспечить рост экономики в 7%, что выдвигалось в качестве одной из целей государства, Индонезии пока не удалось. Несмотря на это, с имеющимся темпом роста примерно в 5% ежегодно ожидается, что к 2030 г. Индонезия может занять 5–6-е место в рейтинге крупнейших экономик мира. Прогнозируется, что Индонезия станет страной с высоким уровнем дохода в ближайшие 20 лет при условии экономического роста выше 5,5% (Сибарани, 2019).

Таблица 1.

Динамика ВВП Индонезии в 2000–2020 гг., млн долларов в текущих ценах по текущему курсу.

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Население, тыс. человек	212398,2	215328,6	218280,5	220309,5	223285,7	226289,5	229318,3	232374,2	235469,8	238620,6	241834,2
ВВП, млн долларов	176069,3	171309,5	208794,5	249968,4	273461	304371,9	388167,8	460192,6	543253,9	574505,1	755094,2
Валовое накопление капитала, млн долларов				65105,36	66933,34	77673,62	100316,9	116683,6	153751,2	181119,5	248275,9
ВВП на душу населения, долл.							1692,704	1980,394	2307,107	2407,61	3122,363
Инфляция, % в год	3,7	11,5	11,9	..	6,1	10,5	13,1	6,3	9,9	4,8	5,1
Экспорт, млн долларов	65403	57361	59166	64108	70766,61	86996,06	103527	118013	139606	119646	158074
Экспортная квота, %	37,14617	33,48383	28,33695	25,64644	25,87814	28,58216	26,67068	25,64427	25,69811	20,82592	20,93434
Импорт, млн долларов	43595	37534	38340	42196	54876,59	75724,93	80649,69	93100,6	127538	93785,93	135323
Импортная квота, %	24,76014	21,91005	18,36255	16,88053	20,06743	24,87908	20,77702	20,23079	23,47668	16,32465	17,92134
Для справки:											
ВВП АСЕАН, млн долларов	627986,9	607683,3	680818,4	761605,5	859338,8	964034,2	1155377	1378338	1599779	1598757	1992435
Мировой ВВП, млн долларов	33727009	33548184	34869798	39128789	44053213	47730924	51719372	58318476	63981823	60678122	66461443
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Население, тыс. человек	245116	248451,7	251805,3	255128,1	258383,3	261556,4	264651	267670,5	270625,6	273523,6	276362,0
ВВП, млн долларов	892969,1	917869,9	912524,1	890814,8	860854,2	931877,4	1015619	1042272	1119091	1058424	
ВВП на душу населения, долл.	3643,047	3694,359	3623,927	3491,637	3331,695	3562,816	3837,578	3893,86	4135,202	3869,588	
Валовое накопление капитала, млн долларов	294539,9	321911,6	308719,3	308225	293231	315521,9	342371,1	360319,4	378033,5	342584,9	
Инфляция, % в год	5,3	4,0	6,4	6,4	6,4	3,5	3,8	3,3	2,8	2,0	
Экспорт, млн долларов	203497	190032	182552	176292,7	150366,3	144489,8	168810,6	180124,3	167683	163306,5	229849,6
Экспортная квота, %	22,78881	20,70359	20,00517	19,79005	17,4671	15,50524	16,62145	17,2819	14,98385	15,42922	
Импорт, млн долларов	177436	191691	186629	178178,8	142694,8	135652,9	156925,1	188707,9	171275,7	141622,1	196041,4
Импортная квота, %	19,87034	20,88433	20,45195	20,00178	16,57595	14,55695	15,45118	18,10545	15,30489	13,38047	
Для справки:											
ВВП АСЕАН, млн долларов	2311932	2451015	2530344	2552001	2480397	2603349	2806263	3005518	3174768	2996180	
Мировой ВВП, млн долларов	73915969	75473220	77610313	79526478	75133208	76355195	81231275	86357998	87718575	85328323	

Источник: составлено и рассчитано автором по данным ЮНКТАД.

По показателю подушевого дохода в 2020 г. страна занимала 4-е место в АСЕАН после Сингапура, Брунея и Таиланда, так как подушевой доход Индонезии вырос с 828,96 долларов в 2000 г. до 3869,588 долларов в 2020 г., т. е. в 4,7 раза за 2 десятилетия. Это очень впечатляющие темпы, если учесть, что в среднем в АСЕАН подушевой доход вырос за исследуемый период в 3,75 раза, достигнув в 2020 г. уровня в 4490 долларов на душу населения, что, в свою очередь, ниже общемирового показателя более чем в 2 раза (10949 долларов в 2020 г.). Если смотреть с точки зрения уровня дохода, при котором Индонезия входит в группу с доходом выше среднего, Индонезия находится на 27-м месте. Этот рейтинг намного ниже, чем у Китая, Болгарии и Малайзии, которые занимают с 1-го по 3-е места соответственно. Валовой национальный доход (ВНД) на душу населения (метод Атласа), как ожидается, увеличится до 5 810–6 000 долларов США на душу населения к 2024 г.

По мнению исследователей, «Основными факторами, способствующими реализации догоняющего и опережающего развития Индонезии, служат расширение экспорта, импортозамещение и рост внутреннего потребления» (Мельянцев, Адрова, 2021).

Действительно, экспорт Индонезии вырос с 65,4 млрд долларов в 2000 г. до 229,8 млрд в 2021 г., т. е. в 3,5 раза, а импорт — в 4,5 раза (опережающими темпами) при сокращении как экспортной (более чем в 2 раза), так и импортной (практически в полтора раза) квот. В то же время имеет место рост волатильности внешнеторговых показателей Индонезии (рис. 2) под влиянием главным образом глобальных процессов — в 2008–2009 гг., в 2015–2016 гг., а также в 2019–2020 гг.

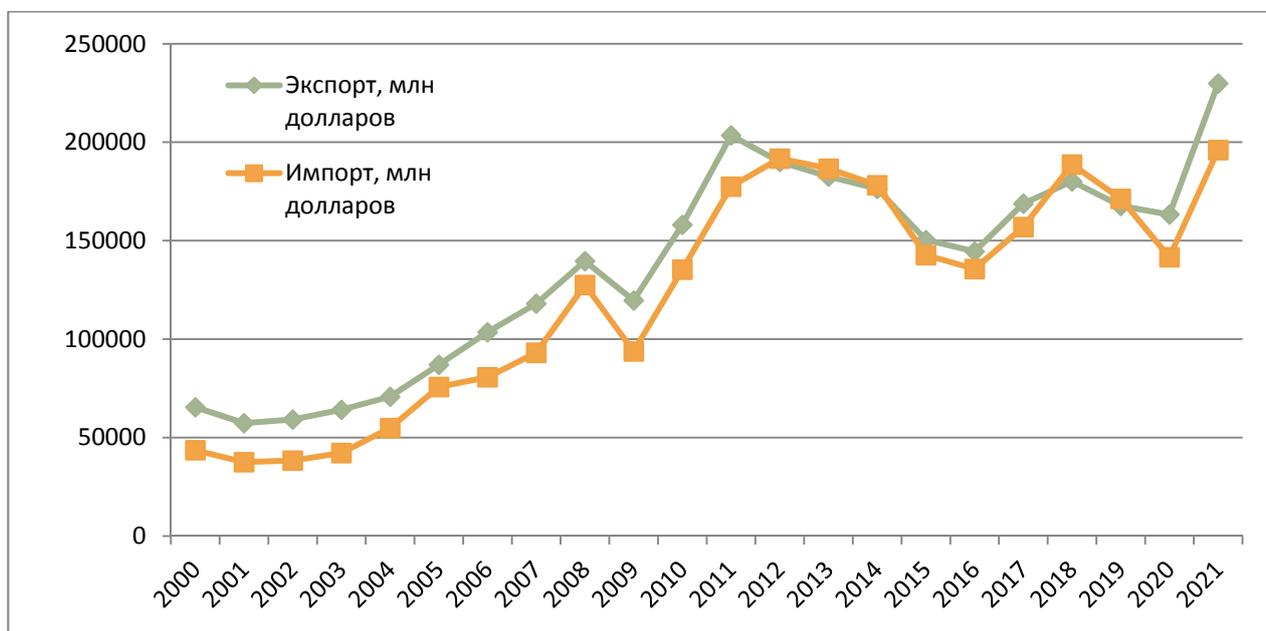

Рис. 2. Динамика экспорта и импорта Индонезии в 2000–2021 гг., млн долларов в текущих ценах по текущему курсу.

Источник: составлено автором по данным табл. 1.

Такая динамика говорит о том, что внешнеторговая открытость страны сокращается, уменьшается участие страны в международном разделении труда за счет ужесточения внешнеэкономической политики, т. е. усиления протекционизма. Так, в условиях пандемии

Индонезия ввела запрет на экспорт этилового спирта, средств индивидуальной защиты и др. (Тангаева, 2020).

С другой стороны, уменьшение импортной квоты может свидетельствовать о сокращении импортной зависимости страны от мирового рынка, росте самостоятельности в удовлетворении собственных потребностей. Таким образом, Индонезия, в большей степени ориентированная на внутренний рынок, поддерживает свой экономический рост, сокращая внешнеторговую квоту.

При этом страна стремится увеличить свою инвестиционную привлекательность для внешних партнеров. Рост инвестиций из Китая оставался самым высоким за последние 5 лет. Фактически, в 2019 г. Китай занял 2-е место в списке стран, которые больше всего инвестировали в Индонезию (2130 проектов) с реализованной инвестиционной стоимостью 4,74 млрд долларов США. Вопросу инвестиций и росту национальной инвестиционной привлекательности в Индонезии уделяется большое внимание, так как экономический рост в 2020–2024 гг., согласно Стратегическому плану инвестиционного координационного совета на 2020–2024 гг., в основном будет обусловлен увеличением инвестиций — на 6,6–7,0% в год. Для достижения этой цели поощряются частные инвестиции (иностранные и внутренние) путем дерегулирования инвестиционных процедур, синхронизации и гармонизации правил лицензирования, включая повышение удобства ведения бизнеса.

Для достижения среднего целевого показателя экономического роста в 5,7–6,0% в год в течение 2020–2024 гг. необходимы инвестиции в размере 35 212,4–35 455,6 трлн рупий. Финансирование инвестиционных потребностей в 2020–2024 гг. будет осуществляться путем развития финансового сектора, как банковского, так и небанковского, в частности, путем расширения доступа к финансовым услугам, расширения инноваций в финансовых продуктах, развития инфраструктуры в секторе финансовых услуг и оптимизации альтернатив финансирования (Resolusi..., 2020).

Рост инвестиций, в свою очередь, призван обеспечить увеличение количества рабочих мест и, соответственно, сокращение безработицы, развития рынка труда и улучшения качества человеческих ресурсов.

Безработица: динамика и структура

В Индонезии — крупнейшей мусульманской стране — сохраняется высокий демографический рост. На конец 2021 г. население Индонезии достигло 276,3 млн человек (4-е место в мире), в том числе 57,3% — это население городское. Эти факторы — количество населения при его устойчивой динамике и рост городских жителей — можно считать важнейшими в сохранении высокого уровня безработицы в Индонезии.

В АСЕАН средний уровень безработицы в 2021 г. составил 3,03%. Наибольшее значение — 7,65% — зафиксировано в Брунее, наименьшее — 0,61% — в Камбодже. Как видно на рис. 3, в Индонезии в 2021 г. сохранялся один из наиболее высоких в АСЕАН показателей безработицы (выше среднего уровня по АСЕАН). Это отражает неспособность национальной экономики на данном этапе обеспечить занятость для тех людей, которые хотят работать.

Особенностью рынка труда в Индонезии остается значительная неформальная занятость. Трудно точно определить цифру, но, по оценкам, от 55 до 65% занятости в Индонезии можно назвать неформальной. Сегодня около 80% этой неформальной занятости

сосредоточено в сельской местности страны, особенно в строительном и сельскохозяйственном секторах. Работа в неформальном секторе сопряжена с определенными рисками, поскольку работники неформального сектора, как правило, имеют более низкие и нестабильные доходы и не имеют доступа к базовой защите и услугам. Между тем, денежные потоки в неформальном секторе не облагаются налогом, а неформальная деятельность не может быть включена в расчеты ВВП или ВВП страны. Следовательно, это создает проблемы как для работников, так и для экономики в целом.

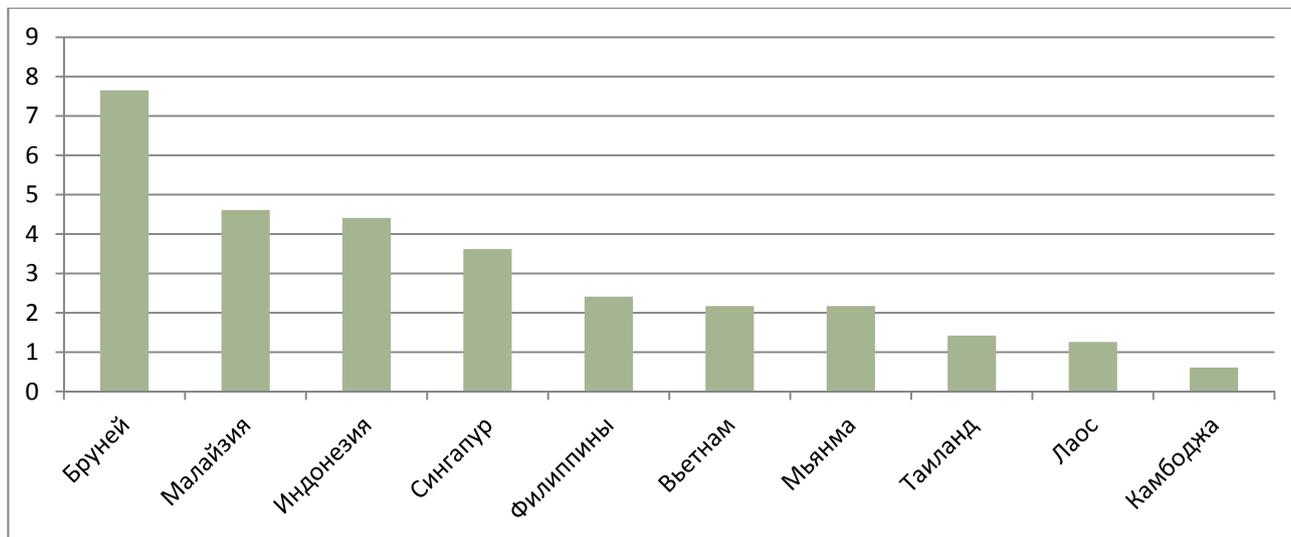

Рис. 3. Уровень безработицы в странах АСЕАН в 2021 г., %.

Источник: составлено автором по: https://ru.theglobaleconomy.com/rankings/Unemployment_rate/ASEAN/

В последние 10 лет безработица в Индонезии имеет тенденцию к снижению (рис. 4), хотя в последние 10 лет этот показатель весьма волатилен.

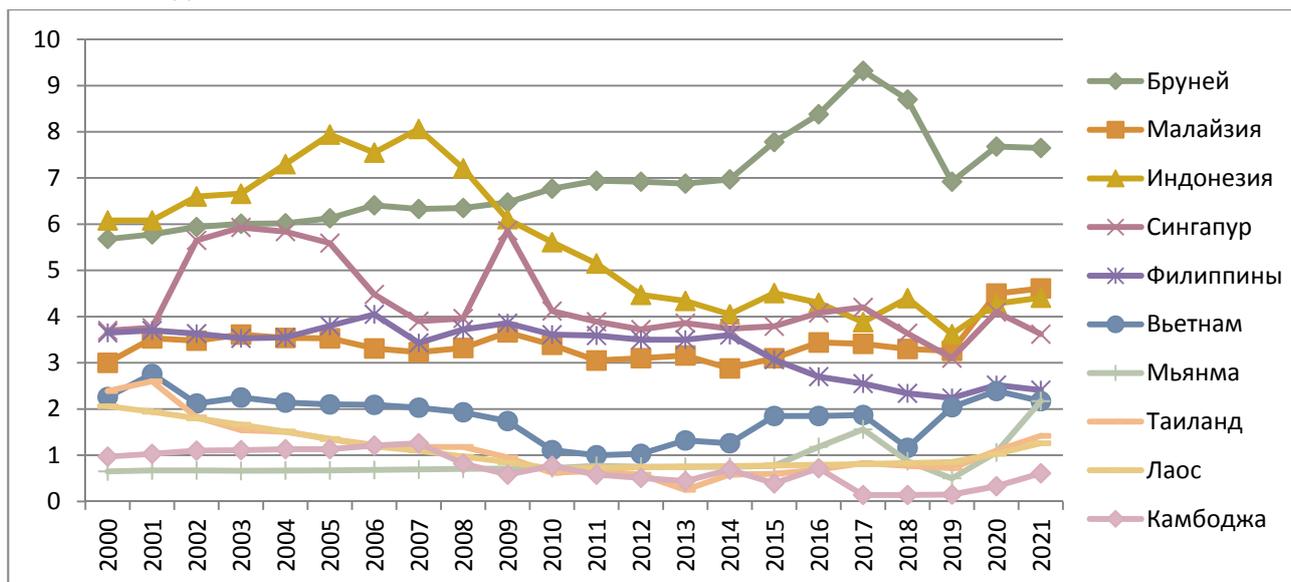

Рис. 4. Динамика безработицы в странах АСЕАН в 2000–2021 гг., всего, %

Источник: составлено автором по: https://ru.theglobaleconomy.com/rankings/Unemployment_rate/ASEAN/

В сфере молодежной безработицы ситуация, однако, складывается значительно более остро, хотя тенденция к снижению молодежной безработицы в Индонезии тоже имеет место (рис. 5).

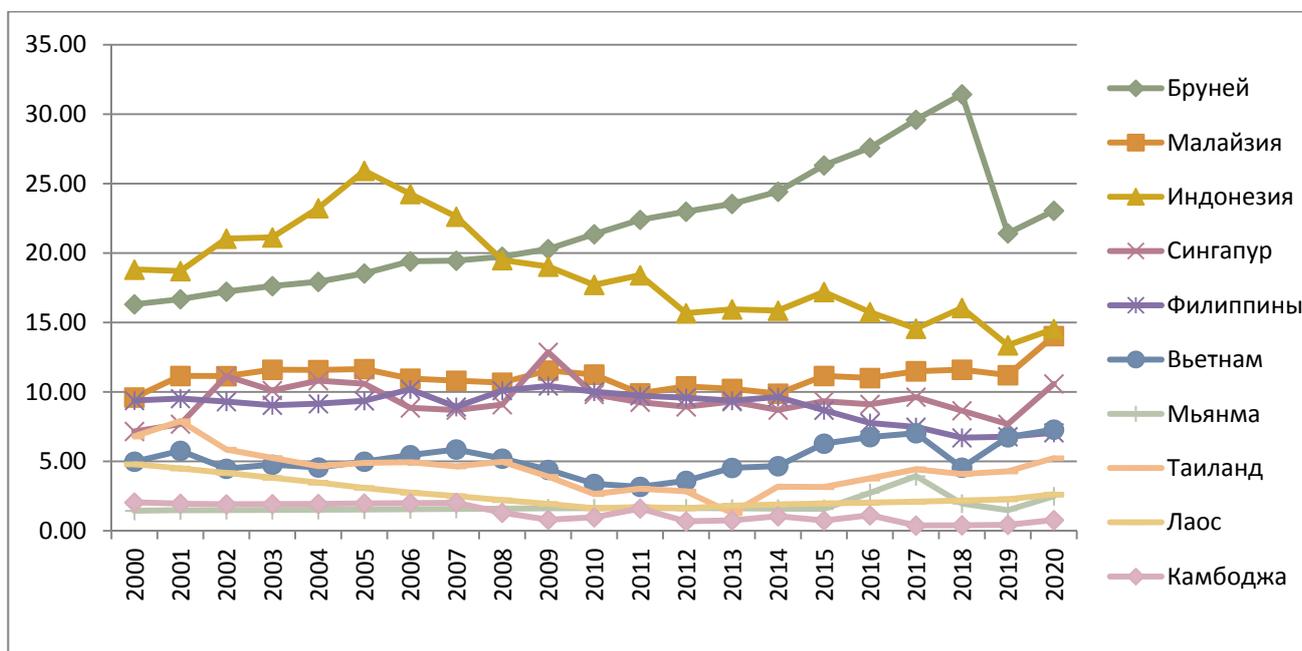

Рис. 5. Безработица молодежи (15–25 лет) в АСЕАН в 2000–2020 гг., %

Источник:

составлено

автором

по:

https://ru.theglobaleconomy.com/rankings/Youth_unemployment/ASEAN/

Ее уровень в 2020 г. достиг 14,53% и остается одним из наиболее высоких в интеграционном объединении. Это ниже мирового уровня (18,98%), ниже среднего по странам ОЭСР (16,54%), но выше среднего по АСЕАН, который в 2020 г. составил 8,77%. Недавно окончившие университеты, профессионально-технические училища и средние школы испытывают трудности с поиском своего места в национальной рабочей силе. Почти половина от общего числа работников Индонезии имеют только начальное образование. Чем выше степень образования, тем ниже его доля в рабочей силе Индонезии. Однако в последние годы наблюдается видимая тенденция к изменению: доля лиц, имеющих высшее образование, увеличивается, в то время как доля тех, кто ходил в начальную школу, только уменьшается.

Рост молодежной безработицы в АСЕАН в 2019–2020 гг. связан с вспышкой глобальной пандемии *COVID-19*, и его, следовательно, можно рассматривать скорее как временное явление. Стоит отметить, что в Индонезии уровень безработицы в условиях пандемии не увеличился (рис. 5), в отличие от многих других стран АСЕАН.

Как видно из анализа представленных данных, страны АСЕАН существенно дифференцированы по показателям общей и молодежной безработицы, но в целом данные по странам АСЕАН показывают, что уровень безработицы среди молодежи примерно в 2–3 раза превышает уровень безработицы в целом. Это, с одной стороны, может привести к росту рискованного и антисоциального поведения среди молодежи, а с другой — представляется крайне расточительным, поскольку молодые люди креативны, динамичны и открыты для

новых идей, в том числе, например, в сфере цифровизации, в то время как, по нашему мнению, цифровая экономика могла бы стать фактором роста занятости в молодежной среде.

Уровень безработицы в Индонезии снизился до 5,83% в 1-м квартале 2022 г. с 6,26% в том же квартале годом ранее на фоне улучшения местной ситуации с *COVID-19*. Число безработных сократилось на 0,35 млн до 8,4 млн. В то же время число занятых выросло на 4,55 млн до 135,61 млн, в основном в сельском хозяйстве, в то время как в других услугах зафиксировано наибольшее падение (–0,51 процентных пункта). Тем временем уровень участия в рабочей силе вырос до 69,06% с 68,08% годом ранее (Indonesia Unemployment Rate).

Снижение показателя безработицы вообще и молодежной — в частности в Индонезии можно объяснить, во-первых, ростом ВВП (табл. 1 и рис. 1), во-вторых, ростом валового накопления капитала, хотя и испытавшим на себе негативное влияние внешнего фактора в 2014 и 2020 гг. (табл. 1).

Согласно исследованию от 2018 г. «Технологии и будущее рабочих мест в АСЕАН», проведенному технологической компанией *Cisco*, и данным *Oxford Economics*, к 2028 г. 6,6 млн рабочих мест станут избыточными в шести крупнейших экономиках АСЕАН — Индонезии, Малайзии, Филиппинах, Сингапуре, Таиланде и Вьетнаме. К 2028 г. этим странам потребуется на 28 млн меньше рабочих, чтобы производить тот же уровень продукции, что и сегодня (Technology and the future of ASEAN jobs, 2018). Для максимального использования новых технологий при одновременном смягчении возникающих проблем потребуются инновационные политические действия, что отмечают исследователи (Vox, 2017).

Поэтому главный фактор в снижении безработицы вообще и среди молодежи, в частности — это то обстоятельство, что государство в Индонезии традиционно и последовательно уделяет значительное внимание не только вопросам экономического роста, но и социального прогресса.

Прежде всего, в государственных документах отмечается, что экономический рост за последнее десятилетие вдвое сократил долю населения Индонезии, живущего в условиях голода и крайней нищеты. Достижение продовольственной безопасности и улучшение питания для всех индонезийцев возможно, особенно если будет расширен потенциал правительства по решению проблемы недоедания, адаптации к изменению климата и подготовке к стихийным бедствиям (Indonesia Country Programme, 2016–2020).

Разработана и принята страновая программа достойного труда (*Decent Work Country Programme, DWCP*) для Индонезии на 2020–2025 гг. (Decent Work Country Programme). В ней основная роль уделяется повышению уровня образования в Индонезии. Это в наибольшей степени затрагивает именно молодежную занятость. Драйверами роста занятости, согласно подходам Программы, служат:

- изменение требуемых навыков (50%);
- потребность в более гибкой рабочей силе, которая бы стремилась к самообучению (31%);
- цифровая трансформация (30%);
- аутсорсинг (19%);
- слияния и поглощения (13%);
- сокращение штатов (12%).

Индонезийские авторы обосновывают точку зрения, что в стране росту занятости, в том числе — в молодежной среде, может содействовать развитие туризма как в Индонезии, так и в целом в АСЕАН (Sabon et al., 2018).

Согласно опросу Всемирного экономического форума (World Economic Forum on ASEAN, 2018), молодежь стран АСЕАН с большим оптимизмом смотрит на влияние технологий на их перспективы трудоустройства и доходы. Инициатива Всемирного экономического форума (ВЭФ) обязала обучить 20 млн работников АСЕАН цифровым навыкам к 2020 г. Обязательство Индонезии, как и других стран АСЕАН, принятое в 2018 г. совместно с крупными технологическими компаниями, заключалось в создании регионального движения среди предприятий, стремящихся расширить возможности людей посредством повышения квалификации, переподготовки и повышения квалификации. Инициатива направлена на создание экосистемы, в которой люди обучаются соответствующим навыкам, пользующимся спросом на рынке труда, чтобы иметь возможность трудоустройства в будущем.

В этой связи в 2020 г. правительство представило 2 (два) законопроекта в Палату представителей, а именно законопроект о создании рабочих мест и законопроект о налогообложении, которые будут обсуждены и ратифицированы позже. Ожидается, что в связи с законопроектом о создании рабочих мест произойдут изменения в структуре экономики, которые смогут затронуть все секторы, чтобы стимулировать экономический рост до 5,7–6,0% в 2024 г.

Выводы

Проведенное исследование позволяет говорить о том, что безработица остается одной из важнейших характеристик рынка труда в Индонезии, представляющих достаточно серьезную проблему для страны и ее устойчивого развития в долгосрочной перспективе. Сохраняется дифференциация уровня безработицы между сельскими и городскими регионами, как и высокий уровень безработицы молодежи. В то же время, во многом благодаря усилиям государства уровень безработицы в стране сохраняет тенденцию к снижению. Однако для окончательного решения проблемы безработицы, особенно в условиях глобальной цифровизации, важно улучшать качество человеческого капитала, содействовать развитию малого бизнеса, углублению цифровизации в экономических секторах.

Индонезии необходимо добиться того, чтобы новые участники рынка труда имели бы образование, более подходящее для поддержки национального экономического развития, а институты рынка труда призваны обеспечивать благоприятные условия для поддержки экономического роста и создания рабочих мест. Системы социальной защиты и социального обеспечения должны поддерживать производительность рабочей силы и помогать решать проблемы, связанные с бедностью и неравенством.

Список литературы

1. Мельянцев В. А., Адрова И. С. (2021) Индонезия: важнейшие тренды, пропорции и факторы экономического развития. Часть 1. // Азия и Африка сегодня. № 3. С. 5–13.

[Melyantsev V. A., Adrova I. S. (2021) Indonesia: the most important trends, proportions and factors of economic development. Part 1. // *Asia and Africa today*. No. 3. Pp. 5–13. (In Russian).]

2. Попов А. В. (2019) Экономика Индонезии: современное состояние и тенденции развития. М.: НОЧУВПО Институт стран Востока. 372 с. [Popov A. V. (2019) The economy of Indonesia: current state and development trends. Moscow: NOCHUVPO Institute of Oriental Countries. 372 p. (In Russian).]

3. Сибарани Д. М. Н. (2019) Экономическая политика Индонезии и перспективы российско-индонезийского торгово-экономического сотрудничества // *Вестник РУДН, Серия: Международные отношения*. Т. 19. № 3. С. 450–462. [Sibarani D. M. N. (2019) Economic Policy in Indonesia and Prospects of Russian-Indonesian Trade and Economic Cooperation // *Bulletin of the RUDN, Series: International Relations*. Vol. 19. No. 3. Pp. 450–462. (In Russian).] DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-450-462

4. Тангаева А. В. (2020) Торговая политика стран в условиях пандемии URL: <http://www.itandi.ru/ru/analytics/298-torgovaya-politika-stran-v-usloviyah-pandemii/>

5. Шкваря Л. В. (2013) Экономика Индонезии: современные тенденции // *Мировая экономика и международные отношения*. № 11. С. 62–69. [Shkvarya L. V. (2013) The Economy of Indonesia: modern trends // *World economy and International Relations*. No. 11. Pp. 62–69. (In Russian).]

6. Box S. (2017) The Future of Technology: Opportunities for ASEAN in the Digital Economy / In book: *Global Megatrends: Implications for ASEAN Economic Community*. Publisher: The ASEAN Secretariat. Editors: Simon S.C. Tay, Julia Puspawati Tjaja. August.

7. Decent Work Country Programme (DWCP) for Indonesia for 2020–2025. URL: http://ilo.int/jakarta/whatwedo/publications/WCMS_757815/lang--en/index.htm

8. Indonesia Country Programme (2016–2020). URL: <https://www.wfp.org/operations/200914-indonesia-country-programme-2016-2020>

9. Indonesia Unemployment Rate. URL: <https://tradingeconomics.com/indonesia/unemployment-rate>

10. Puspajuita E. A. R. (2017) Factors that Influence the Rate of Unemployment in Indonesia // *International Journal of Economics and Finance*. Vol. 10. Is. 1. Pp. 140–147.

11. Resolusi (2020) Dewan Koordinasi Penanaman Modal Republik Indonesia No. 2 tahun 2020 "Rencana strategis Dewan Koordinasi Penanaman Modal 2020–2024" [Resolution of the Investment Coordinating Council of the Republic of Indonesia No. 2 of 2020 "Strategic Plan of the Investment Coordinating Council for 2020–2024". (In Indonesian).] URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/169029/peraturan-bkpm-no-2-tahun-2020>

12. Sabon V. L., Perdana M. T. P., Koropit P. C. S., Wajong C. D. P. (2018) Strategi Peningkatan Kinerja Sektor Pariwisata Indonesia Pada ASEAN Economic // *Esensi Jurnal Bisnis dan Manajemen*. Vol. 2. Is. 2. Pp. 163–176. [Sabon V. L., Perdana M. T. P., Koropit P. C. S., Wajong C. D. P. (2018) Strategy for improving the performance of the Indonesian tourism sector in the ASEAN Economic // *The essence of business and Management Journal*. Vol. 2. Is. 2. Pp. 163–176. (In Indonesian).] DOI: 10.15408/ess.v8i2.5928

13. Singgih V., Sipahutar T. (2018) Jokowi's growth goal for Indonesia elusive as GDP rises 5.3% // *The Jakarta Post*. August 6. URL: <http://www.thejakartapost.com/news/>

14. Technology and the future of ASEAN jobs. The impact of IT on workers in ESEAN's six largest economies. September, 2018. URL: <https://www.oxfordeconomics.com/resource/dd577680-7297-4677-aa8f-450da197e132/>

15. Zamroni S. (2014) Indonesia's ways to sustainable economic growth and development / In book: Handbook of Emerging Economies. Editor: Prof. Robert Looney. Chapter 4.2. Routledge.
16. Unemployment in Indonesia. URL: <https://www.indonesia-investments.com/finance/macroeconomic-indicators/unemployment/item255>
17. What is the natural rate of unemployment? Definition and meaning. URL: <https://marketbusinessnews.com/financial-glossary/natural-rate-unemployment-definition-meaning/>
18. World Economic Forum on ASEAN (2018) URL: <http://wef.ch/asean18>
19. Upskilling ASEAN's workforce // The ASEAN Post. 11 February 2020. URL: <https://theaseanpost.com/article/upskilling-aseans-workforce>

Labor market and unemployment in Indonesia: current trends and opportunities

Sabon Victoria Lelu,

PhD in Economics, Lecturer at the Department of Green Economy, Head of the Center for Global Business Strategies, Surya University, Science Business Park, Indonesia.

Indonesia's economy, while remaining one of the fastest growing in the world in 2000–2020, faces a number of serious problems, one of which is the situation on the labor market and high unemployment, especially in the group of young people (15–25 years old). To solve the existing problem, the state pays considerable attention not only to the stabilization and growth of economic indicators, but also to the social sphere, in particular, to improve the situation on the national labor market, especially in conditions of growing global instability. The scientific article is devoted to the study of unemployment in Indonesia on the basis of available international statistical data, a review of scientific literature and international reports. The author comes to the conclusion that in the future, the improvement of the situation on the labor market can contribute to the growth of the level and quality of education, which is especially important in the context of growing global digitalization.

Keywords: *Indonesia, economic growth, labor market, COVID-19, unemployment, youth unemployment.*

JEL codes: *E24, E31, F43, O40, O53.*

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ / WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Индонезия: инновационное и цифровое развитие и роль международного сотрудничества

Меланьина Мария Вячеславовна¹

В современную эпоху инновационные коммуникационные и цифровые технологии играют очень важную, активную и системообразующую роль в развитии мира, отдельных стран и в международном сотрудничестве. Инновационное и цифровое развитие Индонезии существенно активизировалось в XXI в. Основой этой активизации, по мнению авторов статьи, остается преимущественно трансфер технологий. Индонезия как развивающаяся экономика перенимает у развитых стран передовой опыт посредством прямого подражания, тиражирования, адаптации или поглощения науки и техники своей инновационной системой. Это касается в полной мере и цифровых аспектов развития Индонезии. Также государство стремится активизировать цифровизацию не только с количественных, но и с качественных позиций. И хотя в цифровом сегменте Индонезии сохраняется ряд проблем, авторы обосновывают точку зрения, что это направление остается перспективным в Индонезии. В последние годы страна стремится активизировать инновационное и цифровое сотрудничество в рамках АСЕАН.

***Ключевые слова:** Индонезия, трансфер технологий, цифровизация, цифровая трансформация, АСЕАН, международное цифровое сотрудничество.*

***JEL коды:** F52, O14, O31, O33.*

Введение

В XXI в. технологии и инновации, наряду с углубляющейся цифровизацией, играют в глобальной и национальных экономиках все более заметную роль. Это подтверждает мировой опыт, практика многих стран, особенно тех государств с развивающимися рынками, как, например, Китай, которые смогли войти в группу лидеров экономического развития. Научные исследования также свидетельствуют, что мировое экономическое, в том числе и технологическое и цифровое, развитие все более активизируется, и даже локализуется, в странах Азии. Наибольший рост инновационной активности в настоящее время наблюдается именно в Азиатском регионе. Этот аспект остается стратегически важным и актуальным, в том числе и в Индонезии, ибо, согласно подходам американских ученых, именно способность нации внедрять инновации и генерировать новые рынки креативных инноваций

---

¹ *Меланьина Мария Вячеславовна* — кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономики Российский университет дружбы народов, Москва, Россия.

(*market creating innovations*) обеспечит процветание устойчивой нации (Christensen et al., 2019). Это особенно важно в постпандемийном периоде, когда социально-экономическое восстановление приобретает растущее значение. Стоит отметить, что международное сотрудничество в цифровой сфере в пандемийный и постпандемийный период существенно возросло.

В данной статье мы проанализируем ситуацию в инновационном и коммуникационно-цифровом сегменте Индонезии на предмет выявления существующих проблем и возможностей для развития и международного сотрудничества страны в цифровой сфере.

Обзор литературы

Информационное, технологическое, инновационное, а теперь уже и цифровое, развитие в Индонезии остается на протяжении ряда лет объектом исследования как индонезийских, так и иностранных (в том числе российских) ученых — в силу значимости этого аспекта с точки зрения перспектив социально-экономического развития страны и региона (в частности, АСЕАН).

Так, Т. Милдавати (2016) обосновывает точку зрения о том, что информационные технологии в Индонезии, создавая конкурентные преимущества отечественным производителям и в целом национальной экономике, активно развиваются, хотя и сталкиваются с такими препятствиями, как высокие затраты, малочисленность высококвалифицированных кадров для данного бизнеса, невысокий уровень национальных институтов, поддерживающих его (Mildawati, 2016).

Государство традиционно применяет механизмы трансфера технологий для обеспечения как технологического, так и экономического и социального роста, что отмечают многие исследователи. Отмечается, что «трансфер технологий уменьшает неопределенность причинно-следственных связей, связанных с достижением желаемого результата», а «гонка за инновационными технологиями заставляет правительство разрабатывать политику, направленную на повышение конкурентоспособности на основе инновационных технологий» (Syafrizal, et al., 2019). Трансфер технологий традиционно весьма активно используется в регионе АТР (Solovieva, et al., 2017). В Индонезии трансфер технологий в основном заключается в приобретении патентов в сферах, призванных активизировать и повысить производительность труда на национальном уровне (Шагинян, 2020).

Благодаря трансферу технологий, индонезийское общество в настоящее время глубже вовлечено в инновационные процессы, однако среди проблем выделяются дисбалансы в структуре спроса и предложения привлекаемых технологий. Это очень тревожно, и ситуация нуждается в улучшении, чтобы усилить инновационную мощь Индонезии на мировой арене, так как страна в плане инноваций все еще сильно отстает от других государств.

Привлекаемые иностранные технологии призваны все более активно развивать различные аспекты инноватики и цифровизации в сфере бизнеса, в том числе в аспекте малых и средних предприятий (Нунинг, 2019). Отмечается, что «В последние годы фирмы почти во всех отраслях предприняли несколько инициатив, направленных на получение преимуществ от цифровизации. Организации решают провести цифровую трансформацию и перейти от традиционного подхода к гибкому, чтобы предвидеть быстрые изменения в нынешнюю цифровую эпоху» (Indriasari, et al., 2020). Наиболее активно этот процесс

затрагивает именно менеджмент компаний, прежде всего в сфере малого и среднего бизнеса, который составляет более 90% в Индонезии (Пертиви, 2021).

На протяжении ряда лет также исследуются возможности, проблемы и перспективы развития электронной коммерции в Индонезии (Wijaya, 2009), причем высказывается оптимистичное мнение, что ИТ-индустрия будет быстро расти благодаря значительным ресурсам Индонезии, особенно человеческому фактору, что, в свою очередь, сможет поддержать долгосрочное устойчивое развитие страны. Однако для реализации данной возможности стране необходима государственная стратегия и политика, а также организационная культура развития ИТ-сегмента.

Обзор имеющейся научной литературы позволяет говорить о том, что в индонезийских разработках затрагиваются только практические вопросы трансфера технологий, включая инновационное и цифровое развитие; научно-теоретические аспекты практически не прорабатываются.

Результаты исследования

Индонезия как развивающаяся экономика перенимает у развитых государств их передовой опыт посредством прямого подражания, тиражирования, адаптации или поглощения науки и техники своей инновационной системой. В этой связи важную роль играет трансфер технологий, развитию которого уделяется значительное внимание на уровне государства и бизнеса, формируя цифровую экосистему (Anandhita, 2017).

Существуют следующие различные подходы в процессе трансфера технологий и распространения инноваций в Индонезии (Rogers, 2002):

1) Передача технологий приводит к распространению на рынке инноваций, в результате которого происходит рост использования и внедрения технологий производителями. Однако передаваемые таким образом технологии зачастую не всегда соответствуют спросу на рынке.

2) Передача технологий осуществляется в рамках единой организационной структуры. Распространение инноваций осуществляется на основе принятия соответствующих решений отдельными лицами и сетями без учета общей экономической и социальной ситуации.

3) Передача технологий предполагает планирование и руководство распространением инноваций на государственном уровне.

Еще в 1962 г. было создано Министерство национальных исследований Республики Индонезия (с 1973 г. — Министерство исследований, с 2005 г. — Министерство исследований и технологий, с 2009 г. — Министерство исследований, с 2005 г. — Министерство науки и технологий). С 2021 г. действует как Министерство образования, культуры, исследований и технологий. В том же году было учреждено Национальное агентство исследований и инноваций как новое и самостоятельное государственное ведомство. В 2001 г. в стране создано Министерство связи и информационных технологий. Широкое использование информационно-коммуникационных технологий само по себе представляется конечной целью, поскольку информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) остаются инструментом для развития индонезийского социума и национальной экономики. Регулирующий орган как сторона, представляющая правительство, обеспечивает надлежащее выполнение нормативных актов, надзор и контроль за внедрением ИКТ в

Индонезии и их трансфером, что остается одним из основных факторов эволюции инновационной и цифровой системы Индонезии.

В Индонезии сектор ИКТ формировался во многом на основе трансфера технологий в рамках сотрудничества с развитыми странами и охватывал деятельность в области инфраструктуры ИКТ, регулирования телекоммуникаций, политики в области развития ИКТ, информационной и сетевой безопасности, навыков в области ИКТ и других областях, находящихся в ведении Министерства коммуникаций и информационных технологий (с 2005 г.)¹. Поскольку внедрение ИКТ и цифровых технологий быстро растет в связи с цифровизацией почти всех секторов экономики, роль министерств ИКТ расширилась. Фактически оно превратилось в посредника перехода к цифровой экономике и обществу. Министерство также отвечает за политику и регулирование цифровых данных, кибербезопасность в более широком контексте, регулирование онлайн-платформ и контента, а также в других областях политики для создания и поддержания инновационной, безопасной, устойчивой и инклюзивной цифровой экосистемы. На этой основе в стране начал развиваться цифровой сектор.

В Индонезии цифровая трансформация включает 3 направления, которые поддерживают друг друга, а именно: Государственный сектор (цифровое правительство), Бизнес-сектор (цифровая экономика) и Общество (цифровое общество). Они могут оказать мультипликативный эффект на национальную экономику посредством расширения возможностей для бизнеса, включая создание новых рабочих мест. В среднесрочной перспективе трансформация производственной стороны в Индонезии осуществляется за счет повышения производительности национальной экономики, а также поощрения инноваций и передачи технологий. Соответственно, эта сфера находится в фокусе внимания государства (Press release of the Ministry..., 2020).

Азиатский банк развития в 2021 г. в своем исследовании «*TELKOM's Strategy and Innovation to Build Indonesia Digital Economy*» констатировал, что относит Индонезию к группе стран со средним уровнем развития цифровизации (TELKOM's Strategy..., 2021). В исследовании выделены 3 группы стран по уровню цифровизации. В первую группу входят страны, такие как, например, Чад и Малави, в которых отмечаются низкий уровень локального взаимодействия, низкая доступность цифровых технологий, а ограниченная инфраструктура передачи данных обеспечивает возможности подключения лишь в отдельных районах. Уровень развития цифровизации в этих странах оценен как «зарождающийся». Во вторую группу со средним уровнем развития цифровизации входят Индонезия, Вьетнам и даже Китай. Усилия этих стран сосредоточены на мобильных платформах с быстрым внедрением сервисов на основе приложений; имеет место точечное применение цифровых технологий и акцент на цифровом повышении квалификации рабочей силы и, наконец, акцент делается на масштабировании инфраструктуры, подключении и устройствах. В странах с передовым уровнем развития цифровизации (США, Япония, Швеция и др.) исследование отмечает наличие полноценного многоканального интерфейса с расширенной персонализацией; расширенное использование аналитики, автоматизации и

---

¹ Основными задачами и функциями Министерства коммуникаций и информационных технологий Индонезии являются разработка национальной политики в сфере ИКТ, политики внедрения и технической политики, которая включает в себя почтовые услуги, телекоммуникации, вещание, информационно-коммуникационные технологии, мультимедийные услуги, распространение информации и цифровизации.

квалифицированной рабочей силы в цифровой сфере и сосредоточение на модернизации инфраструктуры, инновациях и кибер-безопасности.

Для развития информационных и цифровых технологий в Индонезии сформированы определенные предпосылки — как на государственном уровне, так и в сфере бизнеса и в социальной сфере (образование, медицина и др.).

А Индонезия тратит на цифровые технологии меньше, чем ее мировые и азиатские партнеры (рис. 1).

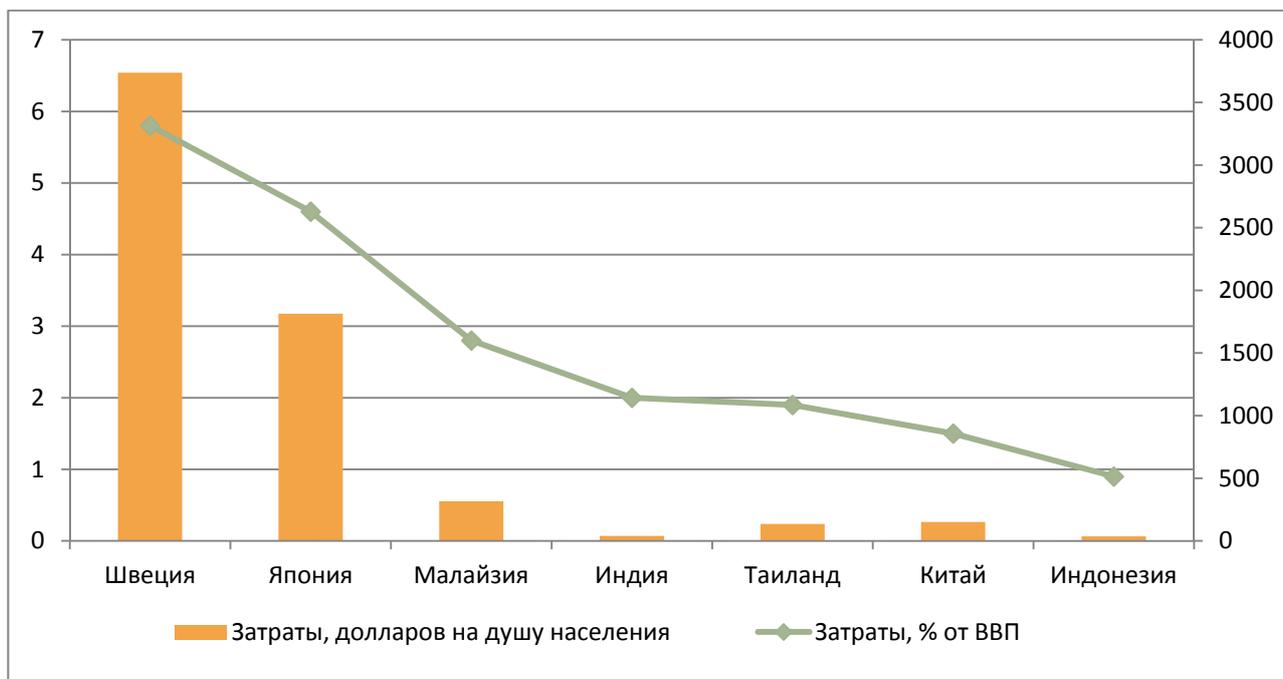

Рис. 1. Расходы на информационно-коммуникационные технологии (2018 г., долл.)
Источник: TELKOM's Strategy..., 2020.

Но у Индонезии есть потенциал в области развития цифровой экономики. Взаимосвязь проникновения цифровых технологий с ВВП Индонезии с течением времени так как уже более 14% представителей МСБ активно используют цифровую составляющую как фактор производства. По уровню проникновения интернета Индонезия заняла 6-е место в АСЕАН. Индонезия также занимала 87-е место среди 132 стран в Глобальном инновационном индексе за 2021 г. с показателем 27,1, но этот рейтинг снизился на 2 единицы по сравнению с предыдущим годом. Между тем, если сгруппировать данные по регионам, Индонезия занимает 14-е место в Юго-Восточной Азии, Восточной Азии и Океании. Соседние страны, такие как Малайзия и Сингапур, занимают в рейтинге более высокие позиции. Прогнозируется, что в 2025 г. объем цифровой составляющей экономики Индонезии достигнет 133 млрд долларов США, а в 2030 г. страна войдет в топ-10 цифровых экономик мира.

За 2016–2020 гг. использование ИКТ в Индонезии стремительно развивалось. Наиболее быстрое развитие показателей ИКТ наблюдается в использовании Интернета в домашних хозяйствах, которое достигает 78,18%. Количество населения, пользующегося мобильными телефонами, в 2020 г. достигло 62,84%. Владение компьютерами в домашних хозяйствах в 2020 г. увеличилось до 18,83%. Количество населения, пользующегося

Интернетом, также выросло в период 2016–2020 гг. с 25,37% в 2016 г. до 53,73% в 2020 г. В стране в 2020 г. насчитывалось более 150 млн активных пользователей социальных сетей, зафиксировано 355,5 млн подписок на мобильную связь. Напротив, доля домохозяйств, владеющих стационарными телефонами, из года в год сокращалась: в 2016 г. доля домохозяйств, владеющих / контролирующими проводные телефоны, составляла около 3,49%, снизившись до 1,65% в 2020 г. (Statistik Telekomunikasi Indonesia, 2020).

Чтобы достичь своей цели и войти в топ-10 мировых экономик к 2030 г., Индонезии необходимо значительно повысить свою конкурентоспособность, резко увеличить потребительский спрос и цифровые инвестиции, а также и государственные расходы в цифровом сегменте. В настоящее время государство сосредоточило свои усилия на внедрении широкополосной связи во всех регионах Индонезии и готовится вступить в эру 5G. Основными направлениями цифровизации в Индонезии остаются ведущие отрасли и сегменты национальной экономики (табл. 1).

Таблица 1.

Потенциал цифровизации: отраслевые задачи и возможности Индонезии.

<i>Сельское хозяйство</i>	<i>Логистика</i>	<i>Транспорт и туризм</i>
<ul style="list-style-type: none"> • Доступ к рынку для более чем 40 млн фермеров через электронную торговлю; • Повышение урожайности за счет Интернета вещей/искусственного интеллекта 	Цифровая логистика для снижения затрат 1,5–2 раза	<ul style="list-style-type: none"> • Система управления дорожным движением для решения существующих проблем; • Цифровизация туристической сферы.
<i>Услуги</i>	<i>Промышленность</i>	<i>Инфраструктура</i>
Краудсорсинг для создания рабочих мест для молодых поколений	Повышение производительности с помощью цифровых технологий оживит производственный сектор в Индонезии	Повышение производительности и безопасности с помощью цифровых технологий для развития инфраструктуры
<i>Здравоохранение</i>	<i>Торговля и финансы</i>	<i>Правительство</i>
Национальная система медицинской документации для улучшения качества медицинского обслуживания для всех индонезийцев	<ul style="list-style-type: none"> • Финансовые услуги для 180 млн человек, не охваченных мобильным банкингом; • Развитие электронной торговли 	<ul style="list-style-type: none"> • Электронное правительство для предоставления более эффективных услуг населению и бизнесу; • «Умные города»
<i>Медиа</i>	<i>Рынок</i>	<i>Образование</i>
Цифровой контент для улучшения качества жизни (QOL) для всех граждан страны	Торговая площадка для создания нового бизнеса для решения проблем «рыночных провалов»	Доступ к высококачественному образованию через Интернет для всех индонезийцев

Источник: разработано автором.

К этому можно прибавить возобновляемые источники энергии. Стоит отметить, что Индонезия очень богата возобновляемыми источниками энергии. Важно максимально использовать потенциал этого источника энергии на благо общества и экологической устойчивости страны.

В настоящее время, как уже отмечалось, Индонезия переживает процесс ускорения цифровой трансформации, причем этот процесс не ограничивается только физической инфраструктурой ИКТ, но также стремится обеспечивать готовность людских ресурсов. По оценкам Центрального статистического агентства Индонезии (*BPS*), численность рабочей силы в инфокоммуникационном секторе в феврале 2022 г. достигла 1,09 млн человек, что на 1,3% больше (г/г) по сравнению с предыдущим годом. Это увеличение произошло в соответствии с быстрым ростом инфокоммуникационного бизнеса во время пандемии, которая вынуждала людей больше использовать инфокоммуникационные технологии для учебы, работы, развлечений или покупок из дома в Интернете. По данным *BPS*, валовая добавленная стоимость сектора инфокоммуникаций выросла на 7,14% (г/г) до 181,72 трлн рупий в 1-м квартале 2022 г. Этот темп роста остается самым быстрым после темпов роста транспортного и складского сектора. Прогнозируется, что валовая стоимость товаров (*GMV*) цифровой экономики Индонезии вырастет на 20% в период с 2021 по 2025 гг. (*Tenaga Kerja Sektor...*, 2022).

Международное цифровое сотрудничество в рамках АСЕАН

Индонезия сотрудничает в сфере инноваций, технологий и цифровизации со странами АСЕАН и с внерегиональными партнерами. Наука, технологии и инновации остаются неотъемлемым компонентом всех экономик в АСЕАН, независимо от экономического статуса страны. Постоянный комитет АСЕАН по науке и технологиям (*PCOST*) был одним из первых десяти постоянных комитетов АСЕАН, созданных в 1971 г. Неделя науки, технологий и инноваций АСЕАН проводится раз в 3 года, в ходе мероприятия демонстрируются технологии. Текущий десятилетний план действий (2016–2025) вступил в силу в 2020 г., а в период с апреля по декабрь 2020 г. был проведен анализ реализованных инициатив и мероприятий (*ASEAN Digital Masterplan 2025*).

Разработана рабочая программа АСЕАН по электронной торговле на 2017–2025 гг., в которой указаны основные направления деятельности в области электронной торговли в АСЕАН, а также Рамочный план действий по цифровой интеграции (*Digital Integration Framework Action Plan, DIFAP*), чтобы определить приоритетные области, необходимые для устранения критических барьеров и ускорения существующих платформ и планов АСЕАН по реализации цифровой интеграции. После исследования потенциала цифровой трансформации в повышении эффективности экономики АСЕАН разработала Рамки цифровой интеграции (*Digital Integration Framework, DIF*).

2 декабря 2021 г. Соглашение АСЕАН об электронной торговле официально вступило в силу (*ASEAN Agreement on Electronic Commerce...*). Соглашение об электронной торговле, которое было подписано 22 января 2019 г. в Ханое, Вьетнам, установило общие принципы и правила для содействия росту электронной торговли в регионе и укрепления потенциала для их реализации. По оценкам, к концу 2021 г. валовая стоимость товаров в интернет-экономике АСЕАН достигла 170 млрд долларов США, а к 2025 г. превысит 360 млрд долларов, превзойдя предыдущий прогноз в 300 млрд долларов США, согласно 6-му изданию *Google*,

Temasek и *Bain & Company* «Е-Отчет по экономике Юго-Восточной Азии» за 2021 г., АСЕАН находится на пути к тому, чтобы к 2030 г. стать интернет-экономикой с объемом в 1 трлн долларов, чему способствует быстрорастущая база цифровых потребителей и продавцов, ускорение электронной коммерции, в частности, доставка продуктов питания (SEA Report 2021).

11 июня 2021 г. Секретариат АСЕАН запустил цифровую платформу интеграционного объединения. Платформа представляет собой независимое кибернетическое пространство для ассоциированных организаций и центров АСЕАН, которое встроено в веб-сайт АСЕАН. Это позволяет членам напрямую взаимодействовать друг с другом; размещать объявления о мероприятиях и подавать заявки. Она также направлена на упрощение процесса аккредитации посредством оцифровки (ASEAN launches digital platform).

Выводы

Цифровая трансформация в Индонезии происходит не только в достаточно «современных» секторах бизнеса, таких как торговля и финансы, но и в традиционных, таких как сельское хозяйство.

Проблемы информационных технологий в Индонезии включают следующее:

- Развитие информационных технологий по-прежнему осуществляется секторально и регионально.
- Отсутствует единообразие национальной базы данных и единообразие в плане использования аппаратного и программного обеспечения. Это также связано с отсутствием агентств, которые планируют развитие интегрированных информационных технологий.
- Все еще существует культура защиты определенных отраслей / компаний.
- Что касается телекоммуникационной инфраструктуры: тарифы на телекоммуникационные каналы передачи данных считаются очень дорогими и ненадлежащего качества.
- Культура индонезийцев, которые все еще полагаются на ручной труд из-за дешевой стоимости рабочей силы. Одной из самых больших проблем при осуществлении экономических преобразований остается создание качественных и конкурентоспособных человеческих ресурсов.

Список литературы

1. Нунинг С. (2019) Особенности микро-, малых и средних предприятий Индонезии в контексте эпохи цифровых технологий // Экономика и бизнес: теория и практика. № 10–2 (56). С. 82–85. [Nooning S. (2019) Features of micro, small and medium-sized enterprises in Indonesia in the context of the digital age // Economics and Business: theory and practice. No. 10–2 (56). Pp. 82–85. (In Russian).]
2. Пертиви Г. П. (2021) Цифровизация ММСП через маркетплейс и электронную коммерцию в Индонезии и России // Электронный экономический вестник Татарстана. № 4. С. 51–55. [Pertivi G. P. (2021) Digitalization of MSMEs through marketplace and e-commerce in Indonesia and Russia // Electronic Economic Bulletin of Tatarstan. No. 4. Pp. 51–55. (In Russian).]

3. Шагинян Т. В. (2020) Экономика Индонезии в контексте эпохи цифровых технологий / В сборнике: экономический форум. сборник статей Международной научно-практической конференции. С. 105–107. [Shaginyan T. V. (2020) Indonesia's Economy in the context of the Digital Age / In the collection: Economic forum. collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. pp. 105-107. (In Russian).]
4. Anandhita V. (2017) Analisis Ekosistem TIK Indonesia yang Mendorong Perkembangan Industri Lokal dan Ekonomi Kreatif // Jurnal Penelitian Pos dan informatika. Vol. 5. Is. 1. Pp. 49–64. DOI: 10.17933/jppi.2015.0501004 ASEAN Agreement on Electronic Commerce officially enters into force URL: <https://asean.org/asean-agreement-on-electronic-commerce-officially-enters-into-force/>
5. ASEAN Digital Masterplan 2025 URL: <https://asean.org/book/asean-digital-masterplan-2025/>
6. ASEAN launches digital platform at 5th Forum of Entities URL: <https://asean.org/asean-launches-digital-platform-at-5th-forum-of-entities/>
7. Christensen C. M., Ojomo E., Dillon K. (2019) The Paradox of Prosperity. How Innovation Can Lift Nations Out of Poverty Paperback. New York: Harper Business. 368 p.
8. e-Conomy Southeast Asia (SEA) Report 2021. URL: <https://www.temasek.com.sg/en/news-and-resources/news-room/news/2021/e-conomy-sea-report-2021>
9. Documents Strategic Action Plans ASEAN Digital Masterplan 2025 URL: <https://asean.org/our-communities/economic-community/asean-digital-sector/>
10. Indriasari E., Supangkat S. H., Kosala R. (2020) Digital Transformation: IT Governance In The Agile Environment A Study Case Of Indonesia High Regulated Company // International Journal of Scientific & Technology Research. Vol. 9. Is. 4. Pp. 1557–1562.
11. Mildawati T. (2016) Teknologi informasi dan perkembangannya di Indonesia // EKUITAS (Jurnal Ekonomi dan Keuangan). Vol. 4. No. 2. Pp. 101–110. [Mildawati T. (2016) Information technology and its development in Indonesia // Journal of Economics and Finance. Vol. 4. No. 2. Pp. 101–110. (In Indonesian).] DOI: 10.24034/j25485024.y2000.v4.i2.1904 Press release of the Ministry of Economic Affairs of the Republic of Indonesia (2020) URL: <https://www.ekon.go.id/publikasi/detail/135/raker-bppt-2020-menko-airlangga-tingkatkan-kapasitas-sdm-dan-inovasi-teknologi-guna-mendukung-transformasi-ekonomi>
12. Rogers E. M. (2002) The nature of technology transfer // Science Communication. Vol. 23. Is. 3. Pp. 323–341. URL: <https://doi.org/10.1177/107554700202300307>.
13. Solovieva Y. V., Chernyaev M. V., Korenevskaya A. V. (2017) Transfer of Technology in Asian-Pacific Economic Cooperation States. Regional Development Models // Journal of Applied Economic Sciences. Vol. 12. No. 5 (51). Pp. 1473–1484.
14. Statistik Telekomunikasi Indonesia 2020 URL: <https://www.bps.go.id/publication.html?Publikasi%5BtahunJudul%5D=&Publikasi%5BkataKunci%5D=statistik+telekomunikasi&Publikasi%5BcekJudul%5D=0&yt0=Tampilkan>
15. Syafrizal M., Rizal S., Amzul R., Nurul T. R. (2019) Strategic Choice of Technology Transfer in Indonesia // Jurnal Aplikasi Bisnis dan Manajemen. Vol. 5. Is. 1. Pp. 163–175. DOI: 10.17358/jabm.5.1.163
16. TELKOM's Strategy and Innovation to Build Indonesia Digital Economy. The Way Forward for Digital Business Transformation / PT. Telekomunikasi Indonesia, Tbk, 2020.

17. Tenaga Kerja Sektor Informasi dan Komunikasi Meningkat sejak Pandemi (2022) [The workforce of the information and communication sector has increased since the pandemic] (In Indonesian).] URL: <https://databoks.katadata.co.id/datapublish/2022/06/02/tenaga-kerja-sektor-informasi-dan-komunikasi-meningkat-sejak-pandemi>

18. Wijaya D. R. (2009) Strategi dan Kebijakan Pengembangan E-business di Indonesia [E-business Development Strategy and policy in Indonesia (In Indonesian).] / Digital Information & Systems Conference. Bandung: Universitas Kristen, Maranatha.

Indonesia: innovative and digital development and the role of international cooperation

Maria V. Melanyina

PhD Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Political Economy, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

In the modern era, innovative communication and digital technologies play a very important, active and system-forming role in the development of the world, individual countries and in international cooperation. Innovative and digital development of Indonesia has significantly intensified in the XXI century. The basis of this activation, according to the authors of the article, remains mainly technology transfer. Indonesia, as a developing economy, adopts best practices from developed countries through direct imitation, replication, adaptation or absorption of science and technology by its innovation system. This fully applies to the digital aspects of Indonesia's development. The state also seeks to intensify digitalization not only from quantitative, but also from qualitative positions. And although a number of problems remain in the digital segment of Indonesia, the authors substantiate the point of view that this direction remains promising in Indonesia. In recent years, the country has been striving to intensify innovative and digital cooperation within the framework of ASEAN.

Keywords: *Indonesia, technology transfer, digitalization, digital transformation, ASEAN, international digital cooperation.*

JEL codes: *F52, O14, O31, O33.*

Торгово-экономические связи России с Индонезией

Шеров-Игнатъев Владимир Генрихович¹

Статья посвящена истории, современному состоянию, проблемам и перспективам экономических связей между Россией и Индонезией. Анализируются история этих связей, тенденции и структура торгового обмена, а также бизнес-проекты российских компаний в Индонезии — как неосуществленные, так и успешно реализуемые. Сформулированы выводы и рекомендации относительно специфики инвестиционного климата данной страны, а также перспективных направлений российского инвестирования. Дана оценка перспектив экономических связей двух государств в контексте новой геополитической реальности.

Ключевые слова: *Индонезия, Россия, торговля, инвестиции, IT-компании.*

JEL коды: *E 65, F14, F21, F23, N75.*

Введение

На протяжении последних лет происходит разворот российских внешнеэкономических связей в направлении их интенсификации с государствами Азиатско-тихоокеанского региона (АТР). События 2022 г., очевидно, ускорят этот процесс. В этом плане особый интерес представляет Юго-Восточная Азия (ЮВА). Крупнейшей страной ЮВА является Индонезия: на нее приходится около 40% населения и ВВП Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Секретариат организации размещен в индонезийской столице Джакарте. Индонезия — участник Большой двадцатки и в 2022 г. — хозяйка саммита G-20.

Индонезийская экономика динамично развивается, и не вызывает удивления тот факт, что в сентябре 2020 г. Евразийская экономическая комиссия назвала Индонезию, наряду с Монголией, в качестве возможных кандидатов на заключение следующих соглашений Евразийского экономического союза (ЕАЭС) о свободной торговле. Все это дает повод рассмотреть историю, состояние и перспективы экономических связей между Россией и Индонезией.

Отношения двух стран периодически привлекают внимание авторов научных публикаций. Большей частью акцент делается на политические контакты. Исторические этапы развития связей между СССР/Россией и Индонезией характеризует М. Галузин (2010). Место Индонезии в контексте связей России с Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) исследовал директор Центра АСЕАН при МГИМО В. Сумский (Sumsky, 2012). Эксперты МГИМО Н. П. Малетин и Н. И. Хохлова (2021) рассматривают место Индонезии в «треугольнике держав», имея в виду США, Китай и Россию. Дм. Долгополов (2018) характеризует институциональную среду ведения бизнеса в Индонезии.

---

¹ *Шеров-Игнатъев Владимир Генрихович* — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Индонезийские ученые из Бандунгского университета (Манурунг и др., 2021) оценивают состояние торговых связей своей страны с Россией и другими государствами Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Этой же тематике, но в контексте обсуждения целесообразности заключения двустороннего соглашения о свободной торговле, посвящена работа петербуржцев В. Шерова-Игнатьева, М. Суменковой и Т. Николаюк (2021). Особенностью предлагаемой статьи выступает больший акцент на бизнес-проекты российских компаний в Индонезии, уроки их неудач и успехов.

Связи СССР и России с Индонезией: история, договорная основа, военно-техническое сотрудничество

Острия экономических связей СССР с независимой Индонезией восходит к 1950-м гг. После визита в Москву первого президента Индонезии А. Сукарно и его переговоров с Н. С. Хрущевым в 1956 г. было подписано советско-индонезийское соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве. В конце 1950-х — начале 1960-х гг. СССР предоставил Индонезии ряд кредитов на общую сумму 880 млн долл. Советский Союз оказал содействие в индустриализации страны и развитии ее инфраструктуры. С участием советских специалистов были построены металлургический завод «Кракатау», сеть автомобильных дорог на острове Калимантан, научно-исследовательский атомный реактор в городе Джокьякарта, госпиталь «Дружба» и стадион «Бунг Карно» в Джакарте (Галузин, 2010).

В середине 1960-х гг., с приходом к власти в Индонезии генерала М. Сухарто, сопровождавшимся кровавыми репрессиями в отношении компартии Индонезии, отношения между двумя государствами вступили в полосу глубокого спада. Но торговля сохранялась, а с середины 1980-х гг. началось восстановление и официальных контактов, но о более глубоком сотрудничестве речи не шло.

Новый этап в развитии двусторонних связей начался после 1998 г., когда азиатский финансовый кризис дважды ударил по Индонезии, и масштабные волнения привели к отставке президента М. Сухарто и переходу к демократической выборной системе. При этом как в Индонезии, так и в России резкая девальвация национальной валюты помогла выходу из кризиса за счет повышения ценовой конкурентоспособности национальных товаров с эффектом импортозамещения. Подъем экономики продолжился в 1-м десятилетии нового века: рост цен на многие виды сырья и топлива, имевший место в 2003–2008 гг., способствовал динамичному экономическому росту. Позитивное влияние оказывала и политика дешевого доллара, проводившаяся в тот период Федеральной резервной системой США.

Развитию двусторонних отношений способствовало завершение в России десятилетия болезненного перехода к рыночной экономике и возобновление экономического роста в новом веке. Активизировалось взаимодействие на политическом уровне, включая взаимные визиты глав государств. Президенты Индонезии посещали Россию в 2003, 2006 и 2016 гг., российский президент нанес визит в Джакарту в 2007 г.

Благоприятная рыночная конъюнктура, рост доходов бюджетов и доступные кредиты способствовали появлению в Индонезии амбициозных проектов, в т. ч. с международным (и, в частности, с российским) участием. Так, Челябинский тракторный завод планировал построить филиал в Индонезии. Нарачивал поставки в эту страну и

Чебоксарский завод промышленных тракторов. Планы тракторостроителей, как и многие другие, подорвал мировой кризис 2008–2009 гг. и сопутствовавшее ему падение цен на сырье и топливо (Прилипко, 2018). Сибирские специалисты создали для Индонезии спутник связи Телсат 3, который был запущен российской ракетой-носителем с Байконура. Однако из-за неисправности разгонного блока спутник не был выведен на заданную орбиту (Шкваря, 2013).

В начале 2000-х гг. Россия и Индонезия подписали целый ряд двусторонних соглашений в экономической сфере: Торговое соглашение (1999 г.), Соглашение об избежании двойного налогообложения (2002 г.), Соглашение о военно-техническом сотрудничестве (2003 г.), Соглашение о сотрудничестве в области мирного атома (2006 г.), Соглашение о поощрении и защите капиталовложений (2007 г.) и др. (Галузин, 2010).

Военно-техническое сотрудничество двух стран восходит в 1950-м гг. Поставки советских военных самолетов в Индонезию осуществлялись с 1958 г. Во время визита в Индонезию Н. С. Хрущева в феврале 1960 г. было подписано соглашение о поставках кораблей, самолетов, вертолетов, танков и другого вооружения (Губин, 2017). Сотрудничество в данной сфере возобновилось в начале XXI в. Поставки вооружений — одно из наиболее успешных направлений двустороннего сотрудничества. За четверть века Россия поставила Индонезии оружия на сумму более 2,5 млрд долларов (РИА Новости, 2020). Страна закупает российские вертолеты, плавающие БТР, противокорабельные ракеты «Яхонт», и другие виды военной техники (Травкин, 2019).

В 2017 г. было подписано Соглашение о военно-техническом сотрудничестве, вступившее в силу в 2019 г. (Соглашение, 2019). Оно предусматривает возможность создания совместных производств военной техники на территории Индонезии. В 2017 г. Ростех и *The Indonesia Owned Enterprises State Trading Company* договорились о механизме встречной торговли в рамках контракта на поставку многоцелевых истребителей Су-35. Бартерная сделка под надзором правительств обеих стран включала 11 истребителей Су-35 в обмен на кофе, пальмовое масло, чай и другие товары Индонезии. Однако выполнению контракта общей стоимостью 1,14 млрд долл. помешали опасения американских санкций. И 10 февраля 2022 г. Индонезия подписала альтернативный контракт с французской *Rafale* на поставку 12 самолетов (Оружие: наука и техника, 2022).

Торговые связи

Индонезия, несмотря на свои размеры, не относится к ведущим торговым партнерам России. По итогам 2021 г., на эту страну приходилось 0,42% внешнеторгового оборота РФ (40-е место). В 2021 г. товарооборот России с Индонезией составил 3,3 млрд долл. США, увеличившись на 40,7% по сравнению с 2020 г. При этом сальдо торговли товарами с этой страной — отрицательное для России и приближается к 2 млрд долл.: в 2021 г. Россия экспортировала в Индонезию товаров на 0,7 млрд долл., а импортировала — на 2,6 млрд долл., причем импорт за 2021 г. вырос после спада, связанного с пандемией, на 46%, а экспорт — только на 20% (Внешняя торговля России, 2022).

За последнее десятилетие взаимная торговля испытывала подъемы и спады, обусловленные, главным образом, высокой долей в товарообороте сырьевых и топливных товаров, цены которых на мировых рынках подвержены сильным колебаниям (рис. 1).

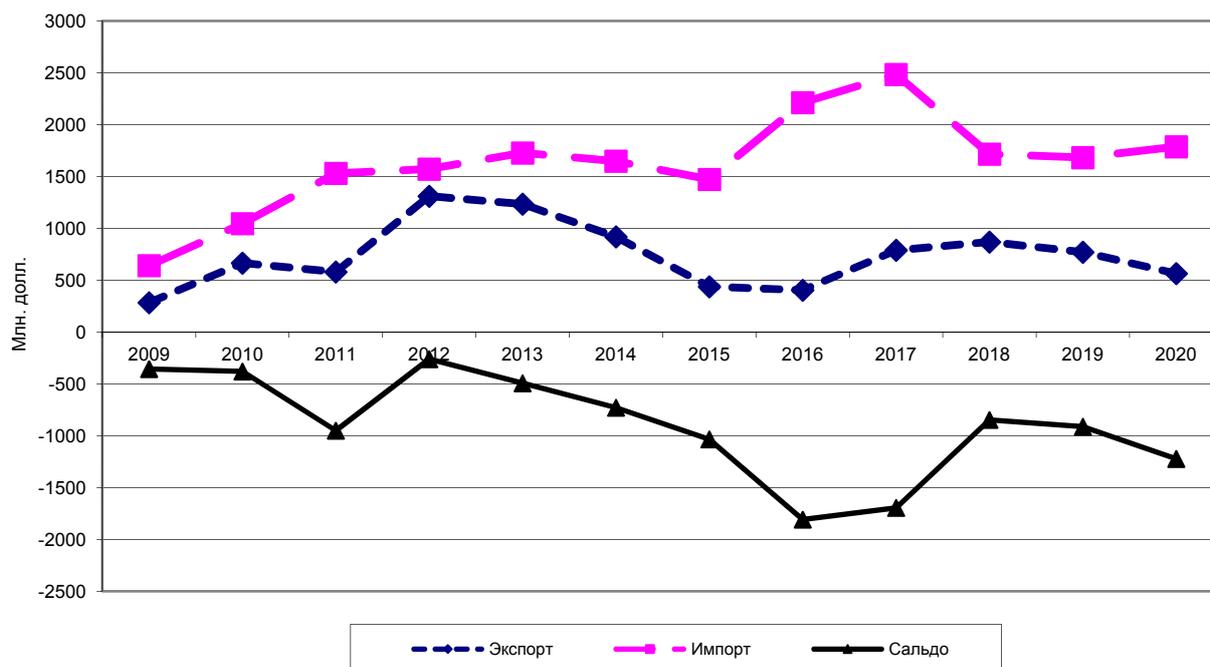

Рис. 1. Торговля России с Индонезией в 2009–2020 г., млн. долл.

Источник: построено по данным ИТС (2021).

В структуре российского экспорта в Индонезию более 90% стоимости дают промежуточные товары. В разрезе основных товарных групп картина такая: почти 40% объема экспорта России в Индонезию пришлось на продукцию химической промышленности, объем которой за год вырос почти вдвое. Это, главным образом, удобрения (93%). Более 27% стоимости поставок в Индонезию составили минеральное сырье и топливо — главным образом, антрацит и коксующийся уголь. Интересно, что Индонезия входит в число ведущих мировых экспортеров угля, но энергетического, а коксующийся уголь для черной металлургии страна вынуждена импортировать. На 3-м месте — металлы и металлоизделия, составляющие 23,5% экспорта в Индонезию. Это, в основном, прокат черных металлов и, в меньшей степени, алюминий, поставки которого выросли за год на 23 млн долл. Еще 10% российского экспорта в эту азиатскую страну приходится на остальные товарные группы: продовольствие и сельскохозяйственные товары (4,6%), древесину и целлюлозно-бумажную продукцию (2,7%), продукцию машиностроения (1,75%) и прочие товары (рис. 2).

Структура российского экспорта не остается неизменной. Но за последние годы в экспорте сильно выросла доля калийных удобрений, коксующегося угля, алюминия. А вот поставки пшеницы, достигавшие в 2018 г. 30% экспорта, в 2020–2021 гг. почти сошли на нет: российских хлеборобов вытеснили с рынка австралийские поставщики, возобновившие крупномасштабный экспорт после неурожайного периода. В отдельные годы в перечне товарных групп российского экспорта в Индонезию значимое место занимают секретные статьи, скрывающие поставки военной техники, о чем речь уже шла выше.

Рис. 2. Структура российского экспорта в Индонезию в 2021 г., %
Источник: рассчитано по данным (Внешняя торговля России, 2022).

В структуре российского импорта из Индонезии доминируют продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё, на которые в совокупности приходится 63,3%. Импортируются также машины, оборудование и транспортные средства — 9,9%, текстиль и обувь — 9,7%, продукция химической промышленности — 9,8% (рис. 3).

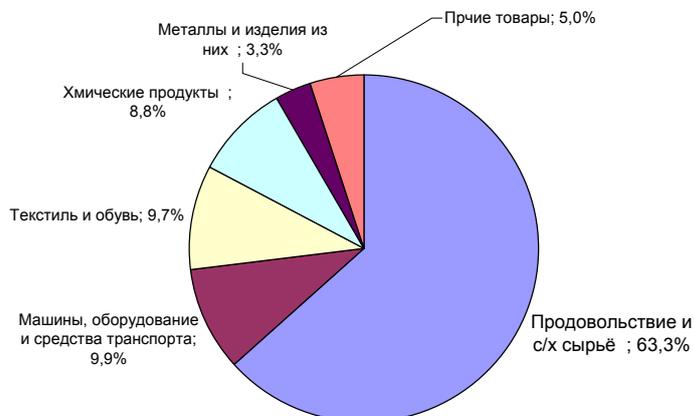

Рис. 3. Структура российского импорта из Индонезии в 2021г., %
Источник: рассчитано по данным (Внешняя торговля России, 2022).

На практике главным поставляемым в Россию индонезийским товаром остается пальмовое масло. До 85% всего импорта данного продукта в РФ имеет индонезийское происхождение. Облегчение условий поставок пальмового масла было одной из главных тем переговоров президентов двух стран во время визита Джоко Видодо в Россию в 2016 г. Импорт индонезийских растительных и животных жиров в РФ к 2021 г. удвоился по сравнению с 2018 г., превысив 1,4 млрд долл., причем объемы этого импорта не упали даже в

пандемийные годы. Правда, произошла некоторая диверсификация ввозимой продукции этой товарной группы за счет кокосовой копры и маргарина, однако доминирование пальмового масла сохранилось. В российской прессе и других медиа регулярно появляются публикации о вреде пальмового масла, особенно его технических вариантов, нередко используемых у нас в стране для производства фальсифицированных молочных продуктов, внешне неотличимых от натуральных.

Помимо пальмового масла, Индонезия поставляет в Россию кофе, какао, каучук, разнообразные электроприборы и оборудование. Тем не менее, доминирование пальмового масла, либерализация ввоза которого в Россию нецелесообразна по вышеназванным причинам (сомнительная польза и конкуренция с натуральными молочными продуктами, прежде всего отечественного производства), — главный аргумент против заключения соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Индонезией. Расчеты по модели частичного равновесия *SMART* показывают, что взаимная либерализация торговли привела бы к почти втрое большему приросту импорта в ЕАЭС из Индонезии, чем потока товаров в обратном направлении, более высокими будут и потери таможенных пошлин. Индонезийские экспортеры окажутся в большем выигрыше, чем поставщики из стран ЕАЭС (Шеров-Игнатъев и др., 2021).

Что касается торговли услугами, наиболее интенсивны российско-индонезийские связи в области туризма. Индонезию в 2019 г., накануне пандемии, посетило рекордное количество российских туристов — 159 тыс. человек. Самое популярное направление у россиян — остров Бали, на 2-м месте — Джакарта, (Интерфакс-Туризм, 2020). *COVID-19* прервал эту тенденцию, хотя несколько тысяч россиян предпочли пережить пандемию именно на Бали. В 2022 г. ограничения постепенно снимаются: с 23 марта иностранным туристам разрешено отдыхать без карантина не только на Бали, но и на любом другом индонезийском острове.

В постковидный период на развитие турплотока из России влияют противоположные факторы. С одной стороны, азиатские направления становятся альтернативой поездкам в страны Европы и США. С другой стороны, существует проблема безналичных платежей. В связи с невозможностью использования российских *Visa* и *MasterCard*, единственной опцией оказывается обзаведение китайской платежной картой *UnionPay*, выпущенной одним из российских банков, пока не попавших под санкции. В связи с многочисленностью китайских туристов, карты *UnionPay* в Индонезии популярны.

Российский бизнес в Индонезии

Судя по данным официальной статистики Центрального банка РФ, прямые инвестиции из России в Индонезию пока незначительны: до 2020 г. они не превышали 1 млн долл. В 2021 г. наметился их рост до 8 млн долл. — впрочем, это всего лишь 0,04% от общей суммы российских прямых инвестиций за рубеж (ЦБР, 2022). В реальности российский бизнес уже много лет торит дорогу в Индонезию — пока с переменным успехом. Пытались реализовать свои проекты такие гиганты, как РЖД и Русал, однако дальше начальной стадии дело не шло. Интерес к российским инвестициям, инвесторам и методам организации инвестиционного процесса в стране, тем не менее, есть: свидетельство тому — объявленное в 2020 г. Индонезией решение использовать модель Российского фонда прямых инвестиций

(РФПИ) для создания собственного суверенного фонда прямых инвестиций (The Jakarta Post, 2020).

Индонезия — страна с огромным потенциалом роста, но сложная для иностранных инвесторов из-за нестабильности регуляторной среды и необходимости налаживания личных связей на всех уровнях власти. Это подтверждается опытом крупных российских компаний, пытавшихся развернуть здесь бизнес в сфере добычи и переработки полезных ископаемых и сооружении объектов инфраструктуры. Так, компания *Blackspace* Дм. Босова обзавелась необходимыми лицензиями и в 2015 г. начала добывать уголь на Калимантане и строить завод ферроникелевых сплавов в Кабаене. Введенный правительством Индонезии под нажимом местных металлургов запрет на экспорт никелевой руды благоприятствовал производителям ферроникеля. Как пишет аналитик издания «Компания» В. Ядуха, в 2017 г. владельцы шахт добились от правительства возобновления экспорта никелевой руды в Китай. Когда его внутренние цены выросли, а внешний спрос на индонезийский ферроникель упал, банки перестали кредитовать местных металлургов. Это привело к закрытию 11 заводов, в том числе первой очереди завода *Blackspace* в Кабаене. Проект угледобычи развивался более успешно, однако попытка построить железную дорогу для облегчения доставки добываемого угля к морскому порту натолкнулась на невозможность согласования землеотвода с местными властями. Итогом стало фактическое банкротство компании Дм. Босова в 2018 г. Оценка потерь — 100 млн долл. (Ядуха, 2020).

Тем не менее, российские компании продолжают свои усилия по налаживанию бизнеса в Индонезии. В 2020 г. совместное предприятие индонезийской *Pertamina* и российской Роснефти (доля Роснефти — 45%) приобрело 92% необходимой площади для реализации нефтеперерабатывающего и нефтехимического проекта в Тубане (Восточная Ява) и заключило контракт на проектирование НПЗ мощностью 300 000 баррелей в день с испанской компанией (Neftegaz.ru, 2020). Нашли здесь работу и геологи: дочернее общество АО «Росгеология» совместно с индонезийской компанией *Elnusa TBK* провело масштабное геофизическое изучение шельфа по заказу государственной нефтяной компании *Pertamina* (Росгеология, 2020). В том же 2020 г. Росатом подготовил и отправил детальное предложение о создании первой атомной электростанции в Индонезии в провинции Западный Калимантан (Росатом, 2020). Предложение пока не принято, но Росатом развивает сотрудничество с индонезийскими партнерами в сфере образования: представители Технической академии Росатома читают целый ряд специализированных курсов индонезийским коллегам в рамках сотрудничества с Политехническим институтом ядерных технологий Индонезии; в апреле 2022 г. стороны согласовали план совместных мероприятий на 2022 г. (Атомная энергия, 2022).

Активизировались и бизнесы меньшего масштаба, представляющие сектор ИТ. Компания «Такси Максим» курганского предпринимателя Максима Белоногова с 2018 г. успешно развивает в Индонезии бизнес в качестве онлайн-агрегатора такси. По некоторым оценкам, она уже занимает 10–15% местного рынка. С 2019 г. в страну зашел еще один агрегатор российского происхождения: компания *InDriver* якутянина Арсена Томского (Retail-loyalty, 2020). Финансовый холдинг *Finstar* развивает местный кредитный рынок (Погодаева, 2021). Российская компания *InfoWatch* оказывает индонезийским учреждениям и силовым ведомствам Индонезии услуги в сфере кибербезопасности (nfoWatch, 2019). Продвижению российского бизнеса способствует Российский экспортный центр (РЭЦ), организовавший в августе 2020 г. онлайн-встречу 12 российских компаний,

специализирующихся на смарт-технологиях для «умных городов», с 50 представителями IT компаний Индонезии, заинтересованных в приобретении российских технологий (РЭЦ, 2020). IT-сектор — один из наиболее перспективных для российского бизнеса в Индонезии, в этой сфере россияне имеют очевидные конкурентные преимущества. По мнению В. Аюкаева, основателя венчурной студии *Pintar Ventura Group (PVG)*, которая успешно работает в Джакарте с 2020 г., перспективны проекты в таких подсекторах, как финтех, эд-тех (цифровые технологии в сфере образования), HR-тех и др. Масштабы индонезийского рынка огромные, и $\frac{3}{4}$ из 57 млн бизнесов здесь еще ждут цифровизации (*Pintar Ventura Pertama*, 2021).

Проблемы Индонезии — ниши для сотрудничества?

Как густо и неравномерно населенная страна с быстроразвивающейся промышленностью и бурно растущими городами, Индонезия сталкивается с целым рядом проблем. Это, прежде всего, экологические проблемы: проблема утилизации бытовых отходов в перенаселенных городах, очистки рек, доступа к чистой воде. Остро стоит проблема сокращения лесопокрытой площади и биоразнообразия в результате расширения сельскохозяйственных площадей и строительства. Специфическая проблема — постепенное опускание столицы Джакарты, которой угрожает частичное затопление океанскими водами. Для снижения нагрузки на этот мегаполис, строится новая столица на востоке острова Калимантан. Сооружение новой столицы требует больших затрат и одновременно создает новые проблемы — перемещения государственных учреждений, госслужащих и членов их семей. В дальнейшем увеличатся расходы на командировки в столичные учреждения, т.к. большая половина населения страны, около 150 млн чел. живет на о. Ява, где расположена нынешняя столица, тогда как население Калимантана — немногим более 20 млн чел.

В то же время, перенос столицы — шаг в направлении решения еще одной проблемы Индонезии: географической неравномерности развития. Эксперты отмечают значительный контраст между Явой, где сосредоточена основная часть экономического потенциала страны, большая часть предприятий обрабатывающих отраслей, где лучше развита инфраструктура и можно найти рабочую силу самой разной квалификации, и остальными островами, с недостаточно развитой инфраструктурой и невысокой квалификацией трудоспособного населения. Инвестиционная привлекательность Явы оказывается выше (за исключением вложений в добычу полезных ископаемых), а это дополнительно усугубляет проблему неравномерного развития территорий. Инвесторам из России надо иметь в виду эти обстоятельства. Еще одна рекомендация: учитывать многоуровневый характер власти. Для успешной реализации проекта в Индонезии недостаточно заручиться поддержкой центральных властей страны: не менее важным может оказаться его согласование с властями провинций, где намечено развивать проект. Опыт компании *Blackspace* это наглядно продемонстрировал. Наконец, важно иметь в виду возможность смены приоритетов регулятивной политики под давлением тех или иных лоббистских групп. На такой случай необходимо развивать сценарное планирование, предусматривать «план Б» и закладывать в бизнес-план такого рода риски. И, конечно, надо учитывать, что в Индонезии, несмотря на усилия властей по ее искоренению, сохраняется высокий уровень коррупции. По индексу восприятия коррупции страна, по оценке на 2021 г., находится на 96-м месте из 180 стран (для сравнения, Россия — на 136-м) (*Transparency*, 2021).

Перспективы

События 2022 г. заставляют заново пересматривать перспективы экономических связей с конкретными государствами. Индонезия, как и большинство развивающихся стран, пока не присоединилась к санкциям против России в связи с ее конфликтом с Украиной. Президент страны Джоко Видодо, председательствующий в 2022 г. в *G–20*, не отменил приглашение России на саммит организации, планируемый к проведению на о. Бали в ноябре 2022 г. Индонезия заинтересована в сохранении рынка сбыта своего пальмового масла и иных экспортных товаров. Тем более заинтересована в экспорте в страны Азии Россия, лишившаяся важных рынков сбыта в Европе, и не только. Индонезия, вероятно, попробует воспользоваться ситуацией, покупая российские уголь, удобрения и металлы с дисконтом.

Тем не менее, говорить о радужных перспективах взаимных связей в ближайшие годы не приходится. Не стоит ждать новых контрактов на поставки российских вооружений: Индонезия не захочет подвергать себя риску санкций со стороны США. Вероятны и осложнения с выполнением действующих контрактов и обслуживанием ранее поставленной техники: российскому ВПК сейчас может быть не до того. Применительно к продукции гражданского назначения, вероятны затруднения с оплатой товаров в связи с отключением ряда российских банков от системы *SWIFT* и отказом от свободной конвертируемости российского рубля.

Заключение

На протяжении последних семи десятилетий отношения нашей страны с Индонезией переживали подъемы и спады, обусловленные как политическими, так и экономическими причинами. Тем не менее, две страны испытывали взаимное притяжение, обусловленное пониманием значимости друг друга и стремлением к диверсификации своих международных, в т.ч. и экономических, связей, к поиску и освоению крупных рынков для своей экспортной продукции. Индонезия пока уступает России по уровню доходов, но опережает ее по темпам роста экономики, а также более успешно диверсифицирует свой экспорт. Тем не менее, обе страны пока предлагают друг другу, главным образом, сырьевую и промежуточную продукцию. Важную роль в российском экспорте в Индонезию играли также поставки вооружения, однако в новой геополитической обстановке данное направление сотрудничества теряет свою перспективность. России необходимо расширять экспорт в Индонезию товаров и услуг гражданского назначения.

Индонезия — непростой рынок для крупных инвестиций, о чем свидетельствует опыт российских компаний, проекты которых зачастую оставались на бумаге или останавливались на ранних стадиях. Конкурентная деловая среда, где лоббисты способны добиваться резких изменений регулятивной политики правительства, и необходимость согласования проектов не только с центральными властями, но и с властями провинций — это особенности делового климата Индонезии, понимание которых необходимо для правильной оценки рисков и построения бизнес-стратегий. Для крупных российских компаний, попавших под санкции США и ЕС, сегодня и этого может оказаться недостаточно в силу пристального контроля за их международной деятельностью. Гораздо перспективнее выглядят проекты средних и даже

малых российских бизнесов в IT-сфере: целый ряд таких компаний уже успешно работает в Индонезии.

Список литературы

1. Атомная энергия (2022) Техническая академия Росатома и Политехнический институт ядерных технологий Индонезии согласовали план совместных мероприятий на 2022 год. [Atomic Energy (2022) The Rosatom Technical Academy and the Polytechnic Institute of Nuclear Technologies of Indonesia have agreed on a plan of joint activities for 2022. (In Russian).] URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2022/04/27/124255>
2. Более 50 представителей IT и «smart city» компаний Индонезии заинтересовались российской IT продукцией (2020). [More than 50 representatives of IT and "smart city" companies in Indonesia are interested in Russian IT products (2020). (In Russian).] URL: https://www.exportcenter.ru/press_center/news/bolee-50-predstaviteley-it-i-smart-city-kompaniy-indonezii-zainteresovalis-rossiyskoy-it-produktsiyey/
3. Внешняя торговля России (2022). Торговля между Россией и Индонезией в 2021 г. [Foreign trade of Russia (2022) Trade between Russia and Indonesia in 2021. (In Russian).] URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2022-02/torgovlya-mezhdu-rossiyei-i-indoneziyei-v-2021-g/>
4. Галузин М. (2010) Россия — Индонезия. История переменчивых отношений // Международная жизнь. № 1. С. 69–81. [Galuzin M. (2010) Russia — Indonesia. A history of volatile relationships // International Life. № 1. P. 69–81. (In Russian).]
5. Губин А. (2017) Индонезия — новый «старый» партнер России в Юго-Восточной Азии. Российский институт стратегических исследований. [Gubin A. (2017). Indonesia is Russia's new "old" partner in Southeast Asia. Russian Institute for Strategic Studies. (In Russian).] URL: <https://riss.ru/article/1824/>
6. Долгополов Д. В. (2018) Институциональные проблемы технологического развития Республики Индонезия // Россия и Азия. № 3 (4). С. 21–29. [Dolgoplov D. V. (2018) Institutional problems of technological development of the Republic of Indonesia // Russia and Asia. No. 3 (4). Pp. 21–29. (In Russian)]
7. Индонезия купит французские истребители вместо российских Су-35 (2022) [Weapons: science and Technology Indonesia will buy French fighters instead of Russian Su-35 (2022). (In Russian).] URL: <https://lenta.ru/news/2022/02/11/rafale/>
8. Индонезия создаст суверенный фонд по модели Российского фонда прямых инвестиций (2020) [Indonesia will create a sovereign fund based on the RDIF model (2020) (In Russian).] URL: https://tass.ru/ekonomika/7726701?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru
9. Малетин Н. П., Хохлова Н. И. (2021) Индонезия в регионе и треугольнике держав. Часть 1. М.: МГИМО. 114 с. [Maletin N. P., Khokhlova N. I. (2021) Indonesia in the region and the Triangle of Powers. Part 1. Moscow: MGIMO. 114 p. (In Russian).]
10. Манурунг Х., Резасях Т., Бейнус А., Кантаправира Р. (2021) Укрепление торгово-экономических отношений Индонезии и России: усилия Индонезии по выходу на рынок Евразии // Международная торговля и торговая политика. Том 7. № 4. С. 93–112. [Manurung H., Rezasyah T., Beinus A., Kantapavira R. (2021) Strengthening trade and economic

relations between Indonesia and Russia: Indonesia's efforts to enter the Eurasian market // International trade and trade policy. Vol. 7. No. 4. Pp. 93–112.] DOI:10.21686/2410-7395-2021-3-93-112

11. Операции по инструментам и странам-партнерам (2022) ЦБР [Operations by Instruments and Partner countries (2022) CBR (In Russian).] URL:https://cbr.ru/statistics/credit_statistics/direct_investment/18-dir_inv.xls

12. Погодаева О. (2021) Индонезия — архипелаг возможностей для российских предпринимателей. [Pogodaeva O. (2021) Indonesia — archipelago of opportunities for Russian entrepreneurs. (In Russian).] URL: <https://vc.ru/u/166917-oksana-pogodaeva/392773-indoneziya-arhipelag-vozmozhnostey-dlya-rossiyskih-predprinimateley>

13. Предприятие Росгеологии завершило работы в рамках масштабного проекта в Индонезии (2020). [Rosgeologiya Enterprise has completed work within the framework of a large-scale project in Indonesia (2020) (In Russian).] URL: <https://rusgeology.ru/press/news/rosgeo-subsidiary-has-completed-the-works-under-a-large-scale-project-in-indonesia/>

14. Прилипко А. С. (2018) Российско-индонезийские отношения в начале XXI века. Магистерская диссертация. СПбГУ. [Prilipko A. S. (2018) Russian-Indonesian relations at the beginning of the XXI century. Master's thesis. St. Petersburg State University. (In Russian).]

15. Роснефть и Pertamina покупают землю в Индонезии для проекта НПЗ и НХК (2020). [Rosneft and Pertamina buy land in Indonesia for a refinery and NHK project Neftegaz.ru (2020). (In Russian).] URL: <https://neftegaz.ru/news/companies/551348-rosneft-i-pertamina-pokupayut-zemlyu-v-indonezii-dlya-proekta-npz-i-nkhk/>

16. Россия за 26 лет поставила Индонезии оружия на 2,5 миллиарда долларов (2020) [Russia has supplied \$2.5 billion worth of weapons to Indonesia over 26 years (2020). (In Russian).] URL: <https://ria.ru/20190423/1552979711.html>

17. Росатом предложил Индонезии построить первую в стране АЭС (2020) [Rosatom Rosatom proposed Indonesia to build the country's first nuclear power plant (2020). (In Russian).] URL: <https://neftegaz.ru/news/nuclear/622705-rosatom-predlozhit-indonezii-postroit-pervuyu-v-strane-aes/>

18. Соглашение (2019) Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Индонезии о сотрудничестве в области обороны. 2019, 18 Мая. [Agreement (2019) Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Indonesia on cooperation in the field of defense. 2019, May 18. (In Russian).]

19. Травкин П. С. (2019) Военно-техническое сотрудничество России и Индонезии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Том 1. № 2 (43). С. 113–120. [Travkin P. S. (2019) Military-technical cooperation between Russia and Indonesia. — Southeast Asia: actual problems of development. Vol. 1. No. 2 (43). Pp. 113–120. (In Russian).]

20. Турпоток из России в Индонезию вырос более чем на четверть в 2019 году (2020) [Interfax-Tourism (2020) The tourist flow from Russia to Indonesia increased by more than a quarter in 2019 (2020). (In Russian).] URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/67166/>

21. Шеров-Игнатъев В. Г., Николаюк Т. Р., Суменкова М. В. (2021) Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и Индонезией: кто окажется в выигрыше? // Международная торговля и торговая политика. Том 7. № 1. С. 62–80. [Sherov-Ignatiev V. G., Nikolayuk T. R., Sumenkova M. V. (2021) Free Trade Agreement between the EAEU and

Indonesia: who will be the winner? // International Trade and Trade Policy. Vol. 7. No. 1. Pp. 62–80. (In Russian).]

22. Шкваря Л. В. (2013) Индонезия и космос // Азия и Африка сегодня. № 9 (674). С. 45–48. [Shkvarya L. V. (2013) Indonesia and space // Asia and Africa today. No. 9 (674). Pp. 45–48. (In Russian).]

23. Ядуха В. (2020) Почему Дмитрий Босов оставил бизнес в Индонезии [Yadukha V. (2020) Why Dmitry Bosov left business in Indonesia (In Russian).] URL: <https://ko.ru/articles/pochemu-dmitriy-bosov-ostavil-biznes-v-indonezii/>

24. InfoWatch намерена развивать сотрудничество с индонезийскими организациями в сфере защиты данных и образовательных услуг (2019) InfoWatch. [InfoWatch intends to develop cooperation with Indonesian organizations in the field of data protection and educational services (2019) InfoWatch. (In Russian).] URL: <https://www.infowatch.ru/company/presscenter/news/15301>

25. ИТС (2021) URL: www.trademap.org.

26. Pintar Ventura Pertama (2021) URL: <https://pvg.co.id/>

27. Рынок такси Индонезии: опыт компании «Максим» (2020) [Indonesia Taxi Market: Maxim Company's experience (2020). (In Russian).] URL: https://retail-loyalty.org/journal_retail_loyalty/read_online/art2914424/

28. Sumsy V. (2012) (Ed., in cooperation with Mark Hong and Amy Lugg) ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects. Singapore.

29. Transparency (2021) 2021 Corruption Perceptions Index — Explore the... Transparency.org

Trade and economic relations between Russia and Indonesia

Vladimir G. Sherov-Ignatev,

St Petersburg University, 7/9 Universitetskaya Emb., St Petersburg 199034, Russia

The article is devoted to the history, current state, problems and prospects of economic relations between Russia and Indonesia, a large Southeast Asian country with a rapidly developing economy. The article analyzes the history of economic relations, trends and structure of trade exchange, as well as business projects of Russian companies in Indonesia - both unfulfilled and successfully implemented. Conclusions and recommendations are formulated regarding the specifics of the investment climate of this country, as well as promising areas of investment. The prospects of economic relations between the two states are assessed in the context of the new geopolitical reality.

Keywords: *Indonesia, Russia, trade, investment, IT companies.*

JEL codes: *E65, F14, F21, F23, N75.*

Индонезия на мировом рынке образовательных услуг

Асмятуллин Равиль Рамилевич¹

В данной статье исследуется положение Индонезии на мировом рынке образовательных услуг. Обозначены влияющие на роль Индонезии факторы: демографические, социально-экономические, исторические. В стране отмечается значительный рост студенческой мобильности, связанный с ростом спроса на высшее образование, с одной стороны, и проблемами с обеспечением качества образования в национальных вузах, с другой стороны. В то же время в Индонезии сохраняется ряд проблем в образовательной сфере, связанных, по мнению автора, преимущественно с недостаточно высоким уровнем социально-экономического развития страны и, соответственно, низкой платежеспособностью населения, а также тем обстоятельством, что образовательные услуги Индонезии экспортируются преимущественно в страны АСЕАН, а также в наименее развитые страны мира, что не может значительно улучшить имидж страны на мировом рынке высшего образования.

Ключевые слова: *Индонезия, АСЕАН, мировой образовательный рынок, иностранные студенты.*

JEL коды: *J24, I23, I26.*

Введение

Мировой рынок образовательных услуг — один из наиболее динамично развивающихся секторов мировой экономики. Заметной тенденцией развития мирового образовательного рынка является усиливающаяся регионализация: появляются центры притяжения иностранных студентов в регионах, происходит гармонизация систем образования, углубляются внутрирегиональные связи. Страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) стали важной частью глобального образовательного пространства, как с точки зрения экспорта, так и импорта образовательных услуг.

Выездная мобильность студентов из стран АСЕАН увеличилась в 2,9 раз за период с 2000 г. по 2019 г. — с 129 тыс. до 374 тыс. соответственно. Основными странами-поставщиками студентов из региона являются Вьетнам (126 тыс. студентов обучается за рубежом в 2019 году), Малайзия (59 тыс.), и Индонезия (53 тыс.), на которые приходится 68,7% студентов из АСЕАН в мире. Количество студентов, выезжающих на обучение за рубеж, за рассматриваемый период имеет тенденцию к увеличению во всех странах ассоциации.

---

¹ *Асмятуллин Равиль Рамилевич* — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия.

Система высшего образования Индонезии

Считается, что индонезийское высшее образование обладает высокой конкурентоспособностью.

В рейтинге QS university ranking indicator, Индонезия занимает 34-ю позицию среди перечисленных стран. Кроме того, сотрудничество университета в области исследований и разработок также занимает довольно высокую позицию — 27-ю.

Система высшего образования Индонезии основывается на 2-х основных направлениях:

1. Национальная система, которая регулируется Министерством образования, культуры, науки и технологий (*Kementerian Pendidikan, Kebudayaan, Riset, dan Teknologi*, сокращенно — *Kemdikbud*). В данную категорию входит большинство государственных и частных вузов.

2. Религиозная система, которая находится в ведении Министерства по делам религии (*Kementerian Agama* или *Kemenag*). К данной категории прежде всего относятся исламские и католические учебные заведения, где обучается около 20% студентов. Особую роль в данном направлении играет движение «Мухаммадия», крупнейшая индонезийская организация, стремящаяся решить проблемы невежества и ставящая целью развитие образования (Солихин, Шауки, 2022).

Все вузы в обеих системах делятся на несколько видов: университеты, институты и колледжи высшего образования. В национальной системе также присутствуют политехникумы и академии.

Система высшего образования характеризуется доминированием частного сектора. В стране функционирует около 3 тыс. частных вузов, в которых обучается около 60% студентов, и 83 государственных вуза.

Тем не менее несмотря на то, что в стране превалирует частный сектор, острой остается проблема обеспечения качества образования. Таким образом, частные вузы становятся вторым лучшим выбором для получения высшего образования после государственных вузов.

Образовательный рынок Индонезии

Объектом исследования в данной статье является Индонезия, как один из важнейших импортеров образовательных услуг. С точки зрения демографического потенциала (Айдрус, Асмятуллин, 2016). Индонезия остается одной из наиболее привлекательных стран АСЕАН. Это объясняется, прежде всего, рядом демографических и социально-экономических показателей.

Во-первых, Индонезия — 4-я крупнейшая страна в мире по численности населения после Китая, Индии и США. На 2021 г. в стране проживает 272 млн человек, что составляет 3,4% населения мира.

Во-вторых, Индонезия обладает одним из самых молодых населений в мире: 50,4% жителей страны — младше 30 лет. Кроме того, население Индонезии характеризуется высоким уровнем рождаемости (18,2%), а также постепенным незначительным снижением, но все еще достаточно высоким показателем естественного прироста (11,8%).

В-третьих, с точки зрения экономического потенциала наблюдается серьезный прогресс. По объемам экономики Индонезия находится на 16-м месте в мире, ВВП составляет 1058 млрд долл. США в 2020 г. При этом по ВВП по ППС Индонезия располагается на 7-м месте. По классификации Всемирного Банка, Индонезия относится к группе стран с доходами ниже среднего уровня. Тем не менее, стоит отметить, что за 20 лет ВВП на душу населения страны вырос с 580 долл. в 2000 г. до 4 356 долл. на 2021 г. Таким образом, Индонезия поднялась с 176-го на 140-е место в мире. Это отражает положительный прогресс в экономическом росте страны, что привело также к формированию среднего класса. Однако, проблема бедности, уровень которой хоть и снижается, остается достаточно серьезной (Шкваря, 2013).

Все вышеуказанные факторы свидетельствуют о потенциально растущем спросе на высшее образование в стране, а также о привлекательности Индонезии с точки зрения привлечения отсюда иностранных студентов.

Страны АСЕАН существенно различаются друг от друга по уровню образования (табл. 1). Индонезию разместить в середине рейтинга по показателям сектора образования среди стран региона.

Таблица 1.

Показатели сектора образования в странах АСЕАН, 2020 г.

Страна	Индекс человеческого развития*	Рейтинг стран USnews**	Охват высшим образованием***	Государственные расходы на образование***	
	Место в мире	Место в мире	%	Всего % к ВВП	В т.ч. высшее образование % к ВВП
Бруней	47	н/д	32	4,4	0,84
Вьетнам	117	59	28,6	4,1	н/д
Индонезия	107	54	36,3	2,8	0,57
Камбоджа	144	75	14,7	2,2	н/д
Лаос	137	н/д	13,5	2,9	н/д
Малайзия	62	38	43	4,2	0,95
Мьянма	147	76	18,8	2	0,29
Сингапур	11	21	91,1	2,5	0,79
Таиланд	79	46	49	3	н/д
Филиппины	107	55	35,5	3,2	н/д

Источники: составлено по:

* Human Development Report 2020. URL.: <https://hdr.undp.org/>

** Рейтинг USnews. URL: <https://www.usnews.com/news/best-countries/best-countries-for-education>

*** UNESCO Institute for Statistics URL:

В большинстве стран АСЕАН длительность формального образования, которое включает в себя начальное и два уровня среднего образования, составляет 12 лет. Продолжительность бесплатного и обязательного образования в Индонезии составляет 9 лет. Начальным образованием охвачено все население стран АСЕАН, показатели охвата средним образованием во многих стран достаточно высокие, за исключением Камбоджи, Лаоса и Мьянмы. Что касается высшего образования, страны региона сильно различаются. Наиболее

высокий охват в Сингапуре, далее следуют Таиланд и Малайзия. У стран с менее развитой экономикой и слабой системой образования, соответственно низкий охват высшим образованием — Лаос (13,5%), Камбоджа (14,7%) и Мьянма (18,8%).

С начала 2000 г. количество учащихся на третичном уровне образования в Индонезии увеличилось в 2,5 раза: с 3,1 млн человек до 8 млн в 2018 г. Показатель охвата высшим образованием (доля учащихся в вузах в численности населения возрастной группы, характерной для получающих высшее образование) в Индонезии заметно повысился. В 2000 г. показатель составлял 14%, постепенно поднимаясь до 36% в 2018 г.

Согласно рейтингу образования стран Индонезия находится на 54-м месте. Лучшие страны для образования 2021 г. в рейтинге *USnews* ранжируются на основе глобального опроса, учитывающего следующие критерии: наличие хорошо развитой системы государственного образования, воспринимаемое качество образования в стране и рассмотрят ли люди возможность поступления в вуз той или иной страны.

Финансирование — один из важнейших факторов развития системы образования. А финансовая поддержка иностранных студентов и государственная миграционная политика являются одними из ключевых факторов в укреплении конкурентных позиций страны на мировом рынке образовательных услуг (Айдрус, Горшкова, 2015). Говоря о сфере высшего образования в развивающихся странах, основной проблемой для повышения охвата является нехватка финансирования (Fahmi, 2007). По сути развивающиеся страны, включая Индонезию, поставлены перед выбором максимизации эффективности финансовых ассигнований для начального, среднего и высшего образования. В течение 1990-х гг. государственные расходы на систему образования в Индонезии составляли в среднем около 1% ВВП. С начала 2000-х гг. отмечается постепенный рост финансирования образования: за последнее десятилетие показатель находится на уровне 2,8–3,5% ВВП. Для сравнения в Малайзии уровень финансирования образования составляет в среднем 4,2–5,7% ВВП, в Таиланде — 3–4,5%, в Сингапуре — 2,5–3%.

Решая проблемы повышения охвата в высшем образовании, Индонезия находится на этапе перехода к следующему этапу — повышению качества образования.

Некоторые исследования акцентируют внимание на том факте, что модель финансирования образования в Индонезии схожа на некоторые модели развитых стран, как Австралия или США (Digdowiseiso, 2020). При этом, относительно низкий уровень охвата в высшем образовании сочетается с относительно более высокой долей расходов на третичный сектор в структуре расходов на всю систему образования.

Такая ситуация способствует увеличению разрыва как в качестве, так и в доступности высшего образования Индонезии по сравнению с другими странами. Это делает актуальным вопрос получения высшего образования индонезийцами за рубежом. А имеющиеся различия со странами АСЕАН повышают роль сотрудничества Индонезии с другими государствами региона и международной учебной мобильности.

Тенденции международной студенческой мобильности в Индонезии

Положение Индонезии на мировом рынке образовательных услуг определяется растущим спросом на высшее образование. Индонезия — один из крупнейших стран-доноров иностранных студентов: показатели выездной мобильности имеют тенденцию к умеренному росту (рис. 1). Количество учащихся, выезжающих за рубеж, увеличилось с 34 тыс. в 2000 г.

до 53,6 тыс. в 2019 г. По данному показателю Индонезия — третья страна в АСЕАН после Вьетнама (126 тыс. чел) и Малайзии (59 тыс. чел). Стоит отметить, что лишь 0,6% от общей численности обучающихся в Малайзии направляется на учебу за рубеж. С одной стороны, ограничительным фактором выступает уровень доходов населения. А с другой стороны, можно утверждать, что имеется потенциал для увеличения интенсивности выездной мобильности. Тем не менее, Индонезия находится на 21-м месте в мире по количеству студентов, направляющихся на обучение за рубеж. В начале 2000-х гг. Индонезия занимала 12-е место по данному показателю.

Рис. 1. Динамика выездной студенческой мобильности в Индонезии в 2000–2019 гг., чел.

Источник: составлено по данным UNESCO Institute for Statistics

Такое изменение положения Индонезии связано с активностью других стран, в том числе АСЕАН, в стимулировании международной студенческой мобильности (Асмятуллин, 2016). Особенно можно отметить Вьетнам, который стал третьим (после Китая и Индии) поставщиком иностранных студентов в мире, а также Непал, Казахстан, Бразилию, Нигерию, Саудовскую Аравию и другие страны.

Основными направлениями выездной студенческой мобильности из стран АСЕАН остаются Австралия, Великобритания и США (табл. 2), являющиеся лидерами мирового рынка образовательных услуг. Остальные направления обусловлены прежде всего культурными и историческими факторами.

Таблица 2.

География выездной студенческой мобильности из Индонезии

2005				2019			
№	Страна	Кол-во	Доля	№	Страна	Кол-во	Доля
1	Австралия	9 293	33,9%	1	Австралия	13 880	26,2%
2	США	8 105	29,6%	2	Малайзия	8 440	15,9%
3	Малайзия	4 530	16,5%	3	США	7 984	15,1%
4	Япония	1 414	5,2%	4	Япония	4 722	8,9%
5	Великобритания	1 150	4,2%	5	Великобритания	3 087	5,8%
6	Канада	714	2,6%	6	Германия	2 460	4,6%
7	Нидерланды	618	2,3%	7	Египет	2 183	4,2%
8	Новая Зеландия	350	1,3%	8	Саудовская	1 453	2,7%

9	Молдова	222	0,8%
10	Саудовская Аравия	217	0,8%
Другие			

	Аравия		
9	Нидерланды	1 373	2,6%
10	Турция	1 218	2,3%
Другие		6 197	

Примечание: до 2013 г. отсутствуют данные по мобильности из Индонезии в Германию и Египет.

Источник: рассчитано и составлено по UNESCO Institute for Statistics

Неизменными наиболее популярными направлениями обучения для индонезийцев остаются Австралия, Малайзия, США, Япония и Великобритания. Это обусловлено рядом факторов: во-первых, географической близостью в случае Австралии, Малайзии и Японии. Во-вторых, развитие интеграционных процессов в АСЕАН способствует и интеграции в сфере образования, в связи с чем повышается популярность Малайзии в качестве места обучения. Стоит учитывать, что интеграция в сфере образования — достаточно сложный процесс, в котором для стран АСЕАН необходимо придерживаться баланса между созданием стратегического партнерства и защитой суверенитета и национальных особенностей (Feuer, Hornidge, 2015). Аналогично отметим повышающуюся роль Японии, обусловленную в том числе сотрудничеством с регионом в формате «АСЕАН+». В-третьих, США, Великобритания и Австралия — традиционные лидеры мирового образовательного рынка. В-четвертых, колониальное прошлое Индонезии также способствует сохранению экономических отношений, включая образовательное сотрудничество, с Нидерландами (бывшей метрополией Индонезии).

На 10 первых стран приходится 88,3% выездной мобильности из Индонезии. При этом в 2005 г. на первую десятку приходилось 97,2%, т. е. практически вся выездная мобильность. Это свидетельствует о диверсификации тенденции студенческой мобильности, что соответствует глобальным трендам на мировом рынке образовательных услуг. В этой связи, стоит отметить снижение доли выезжающих в Австралию с 33,9% до 26,2% и в США — с 29,6% до 15,1% за анализируемый период.

В географии выездной мобильности появляются новые направления: Турция, Республика Корея, Гонконг, Индия, Италия и др. Будучи крупнейшей мусульманской страной мира, Индонезия направляет все больше студентов в мусульманские страны в других регионах. За последние 15 лет в 7 раз увеличилось число индонезийцев, получающих высшее образование в саудовской Аравии, в 4 раза — в Иордании (168 индонезийцев обучалось в данной стране в 2020 г.) и в Марокко (81 человек в 2020 г.). Численность направляющихся в Турцию увеличилась с 101 человека в 2010 г. до 1,2 тыс. в 2019 г. Также заметен рост сотрудничества и с другими странами Персидского залива, в частности, с ОАЭ, однако масштаб пока остаются скромными.

С точки зрения предложения образовательных услуг Индонезия не является заметным игроком на мировом образовательном рынке, привлекая ежегодно чуть более 7,6 тыс. иностранных студентов. Основными направляющими странами являются региональные участники — прежде всего, Малайзия (1,7 тыс. чел.), Восточный Тимор (1,6 тыс. чел.), Таиланд (996), Индия (947), Китай (515), а также Самоа, Аруба, репс. Корея, Япония, Ливия, Йемен и др.

Заключение

Таким образом, Индонезия на мировом рынке образовательных услуг остается, прежде всего, страной-поставщиком иностранных студентов. С точки зрения демографических характеристик и растущего спроса на высшее образование имеется потенциал для увеличения выездной мобильности из Индонезии, которая, тем не менее, ограничивается экономическими факторами (в частности, уровнем доходов населения). Экспортный потенциал в сфере высшего образования в Индонезии все еще развит достаточно слабо и ориентирован преимущественно на соседние страны в азиатском регионе (прежде всего АСЕАН), а так же на менее развитые государства.

Список литературы

1. Айдрус И. А. З., Горшкова Л. Ю. (2015) Особенности развития мирового рынка образовательных услуг на современном этапе / Монография. Москва, 2015. [Aidrous I. A. Z., Gorshkova L. Yu. (2015) Features of the development of the world market of educational services at the present stage / Monograph. Moscow, 2015. (In Russian).]
2. Айдрус И. А. З., Асмятуллин Р. Р. (2016) Особенности развития системы высшего образования Королевства Бахрейн // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. № 3. С. 68–80. [Aidrous I. A. Z., Asmatullin R. R. (2016) Features of the development of the higher education system of the Kingdom of Bahrain // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics. No. 3. Pp. 68–80. (In Russian).]
3. Асмятуллин Р. Р. (2016) Экспорт образовательных услуг университетами стран АСЕАН: опыт Сингапура и Малайзии / В сборнике: Азия: вектор развития внешнеэкономического сотрудничества с Россией в условиях санкций. Ежегодник — 2016. Под редакцией Л.В. Шкваря. Москва. С. 119–131. [Asmatullin R. R. (2016) Export of educational services by ASEAN universities: the experience of Singapore and Malaysia / In the collection: Asia: vector of development of foreign economic cooperation with Russia under sanctions. Yearbook — 2016. Edited by L. V. Shkvarya. Moscow. Pp. 119–131. (In Russian).]
4. Солихин М., Шауки А. Х. (2022) Развитие ислама в Индонезии: изучение движений мысли Мухаммадия и Нахдатул Улама // Оригинальные исследования. Т. 12. № 3. С. 16–25. [Salikhin M., Shawki A. H. (2022) The development of Islam in Indonesia: the study of the movements of thought of Muhammadiyah and Nahdatul Ulama // Original Research. Vol. 12. No. 3. Pp. 16–25. (In Russian).]
5. Шкваря Л. В. (2013) Экономика Индонезии: современные тенденции // Мировая экономика и международные отношения. № 11. С. 62–69. [Shkvarya L. V. (2013) The economy of Indonesia: modern trends // World economy and international relations. No. 11. Pp. 62–69. (In Russian).]
6. Digidowiseiso K. (2020) The Development of Higher Education in Indonesia // International Journal of Scientific & Technology Research. Vol. 9. Is. 2. Pp. 1381–1385.
7. Fahmi M. (2007) Indonesian higher education: The chronicle, recent development and the new legal entity universities. Department of Economics Padjadjaran University, Working Paper in Economics and Development Studies. No. 200710.

8. Feuer H. N., Hornidge A. K. (2015) Higher education cooperation in ASEAN: building towards integration or manufacturing consent? //Comparative Education. Vol. 51. Is. 3. Pp. 327–352.
9. Human Development Report 2020. URL: <https://hdr.undp.org/>
10. Rating USnews. URL: <https://www.usnews.com/news/best-countries/best-countries-for-education>
11. UNESCO Institute for Statistics. URL: <http://uis.unesco.org/en/home>

Indonesia in the world market of educational services

Ravil Ramilevich Asmyatullin

PhD (Economics), Associate Professor of the Department of World Economy of Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia.

This article examines the position of Indonesia in the world market of educational services. The factors influencing the role of Indonesia are identified: demographic, socio-economic, historical. There is a significant increase in student mobility in the country, associated with an increase in demand for higher education, on the one hand, and problems with ensuring the quality of education in national universities, on the other hand. At the same time, Indonesia still has a number of problems in the educational sphere, related, according to the author, mainly to the insufficiently high level of socio-economic development of the country and, accordingly, low solvency of the population, as well as the fact that Indonesia's educational services are exported mainly to ASEAN countries, as well as to the least developed countries of the world, which cannot significantly improve the country's image in the global higher education market.

Keywords: *Indonesia, ASEAN, global educational market, international students.*

JEL codes: *J24, I23, I26.*